

Мурич Виктор

Путь голема

Виктор Борисович Мурич

Путь голема

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24157273

SelfPub; 2020

Аннотация

Дружеская вечеринка сотрудников небольшой фирмы удалась настолько, что они очнулись в зловонном подвале древней башни. За ее стенами героев ждет чужой и жестокий мир, который делят между собой старые и новые владельцы. Коллеги тут же попадают в водоворот событий и управляемые мудрой, но незаметной рукой вмешиваются в судьбу этого мира. Но их желания и желания таинственной руки расходятся. Героев ждет песок арены гладиаторов, и много необычных преград на пути домой.

Виктор Мурич

Путь голема

—

– Что за мерзость? – недовольно пробормотал я, просыпаясь.

Привычное утреннее желание – сперва потягуси до хруста в косточках, потом чухаемся во всяких разных местах и довольно зеваем в потолок, умерло при первом же вздохе. Организм, как союз наполняющих его органов, единогласно проголосовал за исключение из своего состава легкие, и то, что они вдохнули. А легкие в ответ заявили, что им лучше рак от привычного никотина, чем ЭТО, и вообще, чего вокруг витает тем они и хекают. Мол, выбирать не приходится. Не будем хекать, пусть даже и ЭТИМ, так тут же остальным каюк. Так что радуйтесь тому что есть, а то если будете носом крутить и того не будет.

Меня окружал редкой насыщенности смрад, способный пробудить даже уснувшего вечным сном... Наверное именно этот запах превращал законопослушных жмуриков, умиротворенно дремлющих в деревянных домиках, в жутких зомби. Нанюхавшись этой дряни, они покидали уютные убежища и, пачкая до сих пор ни разу не ступавшие на землю белые

тапочки, устремлялись на поиски виновника. Да-да именно виновника. Естественным путем подобная эссенция сотвориться ну никак не может. Тут нужен злой... сильно злой гений, сильно... очень сильно обиженный на человечество, чтобы сотворить этакое. Сказать что глаза режет... Нет! Их выжигает! Выжигает вместе с носоглоткой и желудком, который раз за разом порывается избавиться от содержимого и хоть на мгновение закрыть ту дырку из которой в него льется запах. Этакий коллекционный запах, в букет которого входит вонь немытых тел, годами нечищеного сортира в популярном месте, дыхание подпольного кладбища химзавода, испарений соседа-самогонщика, сладкий привкус скотобойни с парующей кровью и вываленными кишками и еще чего-то более мерзкого, но выходящего за пределы человеческой фантазии.

Неужели горячо любимые коллеги сумели за один вечер превратить мою холостяцкую квартиру со всеми удобствами в знатную помойку? Чистюлей я никогда не был, квартиру убираем раз в месяц, посуду моем раз в неделю, мусорное ведро большое и на балконе, носки стираем... в общем стираем иногда... но ТАКОЕ...

Что же мы употребляли, что породили столь зловонючего духа?

Попойка, то есть корпоративная вечеринка, конечно, удалась на славу, но не до такой же степени. И пили исключи-

тельно приличные напитки. Не из ларька, не от бабкок доблестно несущих круглосуточную вахту у остановок и значных мест, невзирая на погоду и время года. Кстати, однажды мне такая бабуля можно сказать жизнь спасла.

Это было в далеком, но хорошо помнящемся студенческом прошлом. В общем, ушел я, на ночь глядя, от девушки из пединовского общежития, именуемого в народе ЦПХ. Не по своему желанию теплую постель покинул, а по обещанию нагрянувшей комендантши милицию вызвать. Шагнув за порог мужского рая, в пединах всегда прекрасный пол преобладает, я нырнул в злую полуночную пургу без общественного транспорта и сугробам по колено. Протопав пару остановок, я понял что сглупил, оставив под кроватью перепуганной появлением комендантши подружки подштанники и носки. Ну не смог я под язвительным, но при этом оценивающим точно на экзамене или перед случкой взглядом натянуть под джинсы растянутые на коленях спортивные и вязанные носки с дыркой на пятке. Она точно сожгла бы презрительным взглядом. Я и так был не в своей тарелке. А еще подружка, нелепо краснея и натягивая на пышную грудь одеяло, что-то лепетала про уроки, которые мы вместе готовили, и что я подтягиваю ее по высшей математике. Подтягиваю... Еще как подтягиваю. Вот и нырнул в зимнюю ночь подальше от позора в джинсах на голое тело и подтоптаннх ботинках на босу ногу. Уже минут через двадцать я готов был

вернуться и предпочесть наряд милиции, и уют шершавых, но теплых стен КПЗ ледяной свободе. И, как назло, ни одного подъезда без кодового замка или круглосуточного магазинчика, чтобы согреться перед очередным броском. Вокруг лишь лес многоэтажек спального района и облизывающий их углы ледяной ветер. Редкие такси и попутки были несовместимы с опорожненным ради благого дела карманом – любовь сожрала последние финансовые запасы. А как можно идти в гости с пустыми руками? Вот и потратился. Крымский мускат красного камня, пачка длинных, тонких, похожих на макаронины сигарет ну и конечно залог безопасной любви с усатым гусаром на упаковке.

И тут свершилось чудо. Из снежной пелены вынырнула очередная остановка – нелепая конструкция из бетона и стали покрытая коркой льда. Нырнув под ее защиту, я облегченно вздохнул и начал пританцовывая хлопать себя руками по бокам, одновременно вспоминая ласковым словом комендантшу, погоду и неудавшуюся жизнь в целом. Неожиданно из темного угла выдвинулось нечто похожее на мешок лоскутьев с четырьмя колесами.

– Жмерж милоч? – прошепелявила сторбленная старуха, толкая впереди себя детскую коляску, накрытую клетчатым пледом. Неприятно поскрипывали колеса разного размера. Маленькие глазки хитро поглядывали из-под надвинутого на лоб пухового платка. Некогда каракулевая шубка была явно с чужого плеча и изобиловала проплешинами похожими на

стригущий лишай в собачей шерсти.

– Аг-г-га, – проклацал я зубами. – Есть маленько. Вот танцую... Греюсь.

– Мож жახнешь? – заискивающе улыбнулась бабуля и скосила глаза на плед. В неровном свете уличного фонаря она была похожа на сгорбленного гнома. – Жлая штука. Шама варю. Кости греет, голову веселит. Все едно танцор иж тебя слабый.

– Спасибо, бабушка. Но в кармане лишь дыра и ни шиша. А в наш коммерческий век на гуманность и человечность я не рассчитываю. Сейчас от ветра передохну и вперед. Час другой и дома буду.

– Ты не дури Дима, – сползла улыбка с поморщенного годами лица. – На, а то окоченеешь. Пей! Пей кому шказала!

Деревянными пальцами я обхватил неизвестно откуда появившийся гранчак с надбитым краем, наполненный мутным содержимым.

– Ваше здоровье. – В глотку словно плеснули смолы топленой. Из глаз сыпанули искры, а из ноздрей пламя. Дыхание остановилось, а сердце наоборот рванулось наружу в неистовой дробь. Пронзающий до костей ветер, стегающая по глазам снежным шарфом пурга словно потеряли надо мной силу. Даже скрюченные пальцы ног благодатно распрямились от прильнувшего сверху тепла.

– Пробирает? – прищурившись, поинтересовалась бабуля. – Домой точно на крылах долетишь, кашатик. Теперь

двигай, двигай. Дорога твоя далекая. Ты даже не предшставляешь куда она тебя жаведет...

– Спасибо, – пролепетал я ставшим неподвластным языком. – Я в долгу...

– Не тянула я тебя за язык. Сам шкашал, – скрываясь в темном углу, сказала бабка. – Придет время жаплатишь.

Заплетаясь в собственных ногах, я шагнул в снежную пелену, словно в молоко. Пришел в себя я уже утром, в своей постели мокрой от растаявшего снега, одетый и обутый, а произошедшее ночью казалось лишь похмельным сном. Как добрался домой и откуда старушка знала мое имя для меня остается загадкой по сей день. Казалось, что весь путь я преодолел в два шага в непроглядной метели.

Но не того ранга мы сейчас люди, чтобы покупать сомнительного происхождения пойло. Нищее студенчество позади, отгороженное годами упорного труда. Не на последний грош живем. Не самогоном единым.. Тьфу-тьфу не приведи к такому... Вот и бабка та невольно вспомнилась. Ох, и долго она меня по ночам кошмарами мучила. Сколько раз в поту среди ночи вскакивал от ее голоса или затхлохо запаха облезлого каракуля. Все про долг она во сне твердила. Если жизнь сведет еще раз наши дороги вместе так и быть налью бокал хорошего коньяка старушке в благодарность и во искупление.

Так вот, о чем это я... Ага, и пили исключительно приличные напитки... Много но приличные. Квартиру в помойку превратили... зловонную. Завтра мыть-убирать, проветривать. Как назло универсальное моющее средство на днях закончилось. Без него тут никак. И освежитель воздуха нужно купить будет... Или одеколон какой, ковер на полу побрызгать. И перчатки резиновые. Сто процентов липкие винные лужицы на столе и полу, это в лучшем случае если не откупоривали по гусарски... салат на диване, хоть бы без майонеза был... ветчиной рыбок кормили... бедные гупыши, перед соседями извиниться в очередной раз... хоть бы никаких машин под окнами не стояло, тут извинениями не отделаешься... вокруг унитаза мыть и мыть. А еще могут быть сюрпризы в самых неожиданных местах... и в подъезде мыть.

Ох, и денек будет. Ну, никак не может быть благоприятным день, начавшийся с такой головной боли.

Стоп!

Да не помню я, чтобы мы успешно добрались до моей обители... С одной стороны это радует, так как снимает с плеч груз неприятных забот по зачистке и дезинфекции принадлежащей мне территории а с другой наводит на мысль о вреде злоупотребления до беспамятства с вытекающей амнезией.

Стоп!

А что я вообще помню?

Помню, что вчера была пятница.

Уже хорошо. Не амнезия. Значит сегодня суббота. Если всерьез взяли быка за рога то возможно воскресенье... Но это вряд ли. Точно суббота.

Ильич, мой непосредственный начальник, устроил корпоративку в офисе к концу дня. Праздновали...

А что мы праздновали?

Напрягаемся, морщим лоб, вспоминаем.

Ах, да, вспомнил.

Праздновали, по словам Ильича, по поводу, что нет повода для радости, ибо дела нашей фирмы настолько плохи, что остается лишь напиться по этому поводу. Именно так он и сказал. Слово в слово. И как в воду глядел. Напились знатно и качественно. Слово то какое «корпоратив». Чего только не выдумает человек, чтобы найти повод выпить. Корпоратив, фуршет, презентация, семинар...

Танцев на столе, конечно, не было, но попытка на трассе отобрать у таксиста руль точно была. Он тогда еще орал, что валит за сотню как заказали, а его еще водить учат. Ох, и шуму же было. Водила пытается отцепить от руля Прыща. Прыщ, впившись пальчонками в баранку, кричит, что в Нид Вор Спид Ундеграунд всех как детей делает и щас он пока-

жет этому ламеру позорному, чайнику безносому как нужно рулить. И что вообще его тачка полный отстой и требует серьезного апгрейда в виде замены прокладки между рулем и сидением. Противостояние идеологий длилось до вмешательства Тимохи. Тот, перегнувшись через спинку переднего сиденья, легким движением руки отправил буйного Прыща на место. Причем сделал это, не снимая с коленок восхищенно взирающую на него Лилю. Ильич с отеческой любовью взирал на резвящихся щенков-подчиненных и старался подальше от меня отодвинуться. Наверное, потому что меня в это время тошнило.

– Стоп! – произнес на этот раз я вслух. – А что мы делали на трассе?

Воспоминания зашевелились в мутной пелене вчерашнего вечера. Я точно помнил, что мы выехали за черту города через промзону, круглосуточно коптящую небо, миновали железнодорожный переезд и долго ехали по ночной трассе. Точно, таксист еще ругался, мол, чего это нас на ночь глядя несет в такую глушь, и денег хотел два счетчика так как обратно стопроцентно порожняком поедет. И чего ж нас в эту самую, не знаю какую глушь понесло? Непонятно. И как мы оказались у меня? Или не у меня?

– Оппа! – Почему-то мой голос предательски дрогнул.

А почему я вообще решил, что нахожусь дома?

Открываю глаза.

Меня окружает темнота. Абсолютная, беззвучная зловон-

ная тьма. Или мне лишь показалось, что глаза открылись, а я все еще в полудреме? На всякий случай ощупываю руками лицо.

– Ой! – Я нечаянно попал себе пальцем в глаз. Причем открытый.

Таки не сплю. Уже хорошо.

Ощупав вокруг себя, узнаю, что лежу на каменном полу, усыпанном сырыми не то опилками, не то соломой впере-мешку с чем-то не очень опознаваемым на ощупь, но легко идентифицируемым на запах. Руки становятся мерзко липкими.

– Куда же это меня занесло? – озадаченно бормочу я, поднимаясь с пола. – Что за помойка? – Рефлекторно вытираю испачканные ладони о джинсы. Вот так запросто одним движением руки оригинальный китайский Левайс превращается в подтирочную принадлежность. Однозначно все вещи в мусорку, теперь на них даже бомжи не позарятся, и на пару часов в горячую ванну с ароматной солью, пеной и воду раз пять сменить. И обязательно что-нибудь для дезинфекции. Что-нибудь термоядерное. Надо будет знакомому провизору звякнуть. Кто знает, какая зараза может прицепиться. Повалеешься тут... потом всю жизнь лечится, если сразу не загнешься.

Где бы я не находился а выход нужно искать. Если он конечно есть. А вот есть он или нет и предстоит мне сейчас вы-

яснить. Все-таки вчерашние излишества сегодня однозначно занизили мой ай-кю, и вообще... оказывается, думать так больно! Наверное, извилины становятся все прямее и прямее. Нет, с пьянством пора завязывать. Однозначно. Хотя от запотевшей бутылочки пивка я бы сейчас не отказался. Да какой там отказался, пол жизни бы продал, разумеется, меньшую половину, за лекарство от утренних болезней, одолевающих немалую часть человечества. Не сомневаюсь, что большая часть этой немалой части каждое хмурое утро дает себе или привычно-уныло пилящей спутнице жизни клятвенное обещание подобное моему. Вот только жизнь у этих клятв коротка. Уже к вечеру они смываются новой порцией жидкого иллюзорного счастья, такого кратковременного и такого болезненного на финише.

Сделав несколько шагов, натыкаюсь на шершавую стену, сочащуюся живительной прохладой. Прижав пылающую от боли голову к сырому камню, я сразу почувствовал себя лучше. Появилось некое подобие мыслительного процесса, и жизнь обрела смысл, выходящий за пределы размышлений «где взять пива» и «как же тут смердит».

Нащупав на стене ориентир, начальную точку отсчета, – выпуклый камень, напоминающий женскую грудь с набухшим соском, начинаю двигаться по часовой стрелке, скользя пальцами по камням. Прошло минуты две-три, может больше, как я снова наткнулся на половинку бюста. Если верить

чувствам, то я нахожусь в большой цилиндрической комнате. И самое неприятное помимо вони – в ней нет ни окон, ни дверей.

Мной овладела паника. Я торчу непонятно где, в темноте в круглой комнате без окон, без дверей в которой к тому же воняет до потери сознания!

Колодец?

Канализационный колодец?

Меня заживо похоронили?

Я вчера надрался до такой степени, что нетрезвые коллеги приняли меня за труп, и чтобы не создавать себе проблем с правоохранительными органами бросили тело в люк?

И вот я **ЗДЕСЬ!** Одинокий, брошенный, без шансов на спасение, обреченный сгнить заживо в каменной утробе... Меня будут жрать крысы, а обглоданные кости упокоятся тут навеки.

Что-то коснулось моей ноги. Я судорожно дернулся в сторону.

Крыса! Так быстро! Они уже тут. Сейчас раздастся многоголосый писк отраженный каменными стенами, вспыхнут в темноте сотни злобных глаз, блеснут острые, словно бритвы резцы и тут же окрасятся кровью... Моей кровью. Во рту появился сладкий привкус. Сердце заколотилось в груди, а ноги стали ватными.

Неужели это все? Так глупо...

– Мама, – неожиданно для самого себя громко проблеял

я в темноту. – Где Я? Может я умер?

– Хороший вопрос, – сказала темнота и глухо чихнула. – Хороша побудка. Ну и вонь! Ад! Вот какой он! Темный и зловонный. Грехи наши...

– А-а-а, – не то перепугано, не то устрашающе завывли с другой стороны, – не хочу, чтобы вот так! Не-е-ет! Будь все проклято! Я так мало жила...

– ... и благие деяния ... Мы... стоим перед тобой, ожидая милости... и покорны суду твоему...

– Мэтро, мать твою, – прошептали позади меня дрожащим голосом. – Год две тысячи тридцать третий от рождения Христова. Я так и не смог до конца ее пройти. Капец нам! Это реал!

– ... не всегда поступали мы по правде и совести... разве что только не убий... с остальными... ну не удержался, она такая... такая была... ну не смог я по-другому. Да взял, взял я их. Тощий конверт был но взял... Каюсь!

– Ненавижу, всех ненавижу, – хлестал по ушам пронзительный вой. – Из-за вас! Все из-за вас! Ненавижу!

– Минуточку, пожалуйста, – изрек хрипловатый спокойный голос. – Спокойнее. Я почти достал... Застряла. Ташу, ташу... Есть!

Тьма взорвалась светом. Яркое пламя резануло глаза, и породило сборище страшных теней, протянувших ко мне руки. Жуткие сгорбившиеся тени шевелили длиннющими скрюченными пальцами, тянулись ко мне.

Перепугано завопив что-то о душах умерших неприкаянно блуждающих в вонючей темноте заброшенных канализационных колодцев я со всех ног бросился бежать. Так и не успев набрать приличную скорость, я встретился с чем-то незыблемым и твердым.

– А комната-то круглая, – прошептал я, теряя сознание.

—

– Хорош загорать! – Меня пнули в бок. Несильно так, любя. – Перепугал нас всех чуть ли не до смерти. Орешь в темноте как дурной. Смуту разводишь. Людей вот на дурные мысли потянуло. В религию потянуло, грехи пересчитывать стали, но пальцы закончились. А ЭТА нас во всех смертных обвинила. Ну как всегда, все мужики сволочи, а она пушистая, блондинка и в пятый раз все еще девушка. Помнишь анекдот про ежика и белочку. Как он ей сказал – если бы я знал что ты такая... ну в общем, порядочная я бы тебе туда змейку вшил. Меня чуть кондратий не хватил от такого вопля. Лежу, думаю о смысле жизни и роли баб в ней, никого не трогаю, слышу – кричат. Ты в следующий раз с голосом поосторожнее, Джелсомино ты наш.

Открыв глаза, обнаруживаю стоящих вокруг меня коллег. Трепещущий огонек бензиновой зажигалки в руке Ильича отражается в стеклах очков бледного как мел Прыща. Прыщ, он такой, все чувства, в том числе и страх, пытается спрятать

за громким смехом и плосковатыми шутками.

Чуть в стороне Лиля вжалась в Тимоху, словно пытаясь спрятаться от пляшущих на стенах теней.

Крохотного язычка пламени еле-еле хватает, чтобы осветить каменный мешок, но его достаточно чтобы стены превратились в театр злобных теней.

Надо же. Хорошо, что сумрак скрыл мои покрасневшие щеки. Это всего лишь тени моих коллег... и голоса тоже их... А я словно заяц в кусты, то есть в стену. Стыд и позор. Надеюсь хоть оправдание какое-нибудь придумать смогу. Засмеют ведь... Может и прозвище прицепится... Хотя, чего это я, повод пока есть – никто еще не сказал где мы.

Причудливые силуэты, теперь уже совсем не страшные, а скорее смешные в своей уродливости, словно тянут к нам кривенькие лапки, танцуя в такт еле слышимым барабанам.

– Что это? Вы слышите? – прошептала Лиля, точно птенец, выглянув из мощных объятий Тимохи.

– Там-тамы, – ответил Прыщ, – справедливая ты наша и ухастая. То есть ушастая. В смысле не уши лопаухи, а со слухом порядок. Я сам только недавно почувствовал ритм. Раньше казалось просто гулом. На мантры похоже. Мне такое музло думать помогает.

– Где там? – глянул на него Тимоха, бережно прижимая девушку.

– Кто там?

– Ты сказал там-там.

– Не там, а здесь. То есть барабаны такие. Понимаешь, Тимоха, в них бьют там-там, а слышно здесь-здесь, – без тени улыбки пояснил Прыщ.

– А-а-а-а, снова шутишь, – морща лоб, протянул Тимоха.

Тень его героического профиля на стене выглядела бесподобно. Чистый тебе античный герой. Под два метра, нос с восточной горбинкой. Светлые курчавые волосы. Широко распахнутые глаза наивного щенка сенбернара. Весу за сто и все мышцы. Силищи – стальной прут в палец толщиной в шиш наспор. Без вредных привычек. Женщины от него млеют. Вот они сильные плечи, на которые так и жаждет опереться слабая половина человечества. Высоковато, конечно чтобы опираться, скорее, подтягиваться можно, зато косая сажень. Вот только умом не вышел. Все в мышцы ушло. Хотя кто знает, ай-кю во времена античности еще не мерили, и интеллект их героев под большим вопросом. По крайней мере, в наше время ни один уважающий себя герой не подрядится на чистку конюшен. В крайнем случае, какой-нибудь стиральный порошок или средство от запотевания подмышек рекламировать будет. Но чтобы в навозах ковыряться – ни-ни. Время нынче не то.

Монотонный ритм проникает сквозь стены и наполняет людей нехорошим предчувствием. Звук вроде и безобидный, но есть в нем что-то зловещее. В каком-то журнале я читал, что аборигены, не помню где и на кого, охотятся подобным

образом. Они выстукивают определенный ритм, и животинка сама приползает к ним. Потом коллективная трапеза...

– Где мы? – задаю интересующий всех вопрос.

– Неизвестно, – хмуро ответил Ильич, прикуривая. Привычный терпкий запах сигары шефа заглушил вонь, царящую в комнате. – Пока ты был без сознания, после удара о стену мы успели восстановить события вчерашнего вечера. Все помнят примерно одно и то же. Корпоративная вечеринка, поездка в такси и все...

– Дальше чистый лист, – заметил Прыщ. – И головная боль. С учетом вчерашнего, это нормально. Если бы еще не это вонидло. Кишки наружу просятся. Помните анекдот про винегрет, который пошел смотреть на юбиляра?

– Помним, – недовольно глянула на него Лиля. – Наизусть.

Вкратце излагаю коллегам обрывки вчерашних воспоминаний, естественно опустив свои пьяные приставания к Лиле. Тимоха конечно человек хороший, отходчивый, но пришибить может запросто. Правда, извиниться потом, от души, искренне. А зачем спрашивается калеке извинения, пусть даже искренние. Он уже давно глаз положил на единственную женщину в нашем коллективе. И какую женщину! Да и она, похоже, не против, вон, как птенец угнездилась в его объятиях.

– Куда мы ехали? – поинтересовался я. – И зачем?

– Этого не помнит никто, – чересчур громко сказал Прыщ. Стены отразили его голос и все невольно вздрогнули. – Кажись, водяра была паленая в хлам. А я вам говорил, что за этим супермаркетом дурная слава ходит. Говорят менеджеры мутят, берут непонятного происхождения левак без сертификатов и ставят вперемешку с нормальным пойлом. Вот мы и попали на суррогат. Там же вся периодическая таблица Менделеева в одной бутылке.

– Я пил лишь пиво, – заметил я. – И тоже ничего не помню. Ильич как всегда коньяк. Таких совпадений не бывает. Понятно что водку и коньяк подделывают, но кто с пивом морочится будет? Пусть даже и чешским. Никогда подобного не слышал. На срок годности я смотрел. Нормальный свежий Золотой фазан.

– Странно, – стряхнул пепел Ильич. – У всех пятерых человек воспоминания обрываются на подъезде к деревне с названием, которого никто не помнит, но точно было указано таксисту в качестве пункта назначения. Дальше все помнят лишь пробудивший их крик Дмитрия.

Я потупил взгляд и, наверное, даже покраснел. Хорошо, что при слабом свете бензиновой зажигалки этого не видно.

– Ничего себе крик, – захохотал Прыщ. – И вы, босс... Сори. Ильич. Вы называете эту трубу иерихонскую в устах блеющего агнца криком? Чего он там орал? – Прыщ сделал страшное лицо, что ему удалось без труда. – Сперва что-то про маму. Поначалу я спросонку не все понял. Потом когда

вскочил на ноги, и вы фазэр сообразили, он так заголосил, что озвучка в играх про жмуrow отдыхает. Мертвые вонючие призраки! Кажись так? Смердит, конечно, отменно, но призраками тут и не пахнет.

– Что-то похожее, – сказала Лиля. – Я так испугалась. Я кажется спала... И вдруг страшный крик. И еще один. И кто-то про ад... грехи... смерть... Я так испугалась. Подумала, что умерла и действительно уже на том свете мои поступки на весы раскладывают. Ну, знаете, весы такие, с одной стороны добрые поступки с другой... как получилось. Я тоже закричала.... Извините, потом глупостей наговорила. Нет, вы не подумайте... Сташно было очень. Топот ног, потом глухой удар. Потом Тимоша подбежал и... – Даже тусклый свет не смог спрятать румянец на ее щечках.

– Тимоша. Вот такой он ад. Темный и пахучий. Грешен, ты сын мой ой грешен. Оглашенного списка на казан со смолой и чертей с вилами хватит, – Прыщ нагло хихикнул, но тут же заткнулся под тяжелым взглядом Тимохи.

– У каждого свои страхи и свои грехи, – медленно с расстановкой сказал он. – Я допустил слабость... Еще раз об этом вспомнишь...

А может нас похитили? – поежившись, спросила Лиля. – И с родственников сейчас выкуп требуют.

– Да какой с нас выкуп, – отмахнулся я. – Тоже, олигархов нашла. Ильич, может вы свом бизнесом кому дорогу перешли? Конкуренты решили устранить препятствие?

– Исключено.

– Прыщ, а не твоя ли тяга к хакерству нас сюда привела? Я же знаю, что у тебя рыльце в пушку. То ты пароли к платным порносайтам продаешь, то непонятно в чьих базах данных ковыряешься. Я не так давно краем уха слышал как общался по телефону с какой то Наташенькой, и обещал подкорректировать ее многочисленные штрафы в системе гайцов.

– Я что ламер? – возмутился Прыщ. – За мной следов не остается. Я словно призрак в ночи. Я профи. Теневые прокси, левые айпишники и лохи, которые за все платят форев... – Он неожиданно запнулся на полуслове.

– Что грешок вспомнил?

– Ну и придурки же мы! – сказал Прыщ и принялся шарить по карманам.

– Попрошу не обобщать, – сказал я. – Что потерял?

– Ум.

– Заметно.

С довольной физиономией Прыщ выудил из кармана мобильник.

Ильич тихо засмеялся.

Я хлопнул себя ладонью по лбу. Насчет придурков Прыщ был абсолютно прав. Сколько времени переливаем из пустого в порожнее, и никто о телефоне не подумал. Типичный пример поведения обывателей в нестандартной ситуации. Тупим, тупим.

Лиля захлопала в ладоши:

– Ура! Ура! Мы сейчас отправимся домой. Боже, как я хочу домой. Я избавлюсь от этого гадкого запаха...

– Не работает, – перебил ее Прыщ.

– Пустяк, – сказал я, доставая из кармана джинсов телефон. – Я со своего... Оп-па. Не включается. Батарея села. Но я же вчера заряжал.

Остальные бросились проверять свои средства связи.

Лиля тихонько плакала в объятиях Тимофея. Прыщ, нервно мерил шагами освещенный пламенем пяточок, стараясь не погружаться в темноту. Я в сотый раз пытался включить телефон – доставал батарею и чистил уголком носового платка контакты, мял батарею в руках, постукивал ней об корпус телефона.

– Давайте покричим. Может, нас услышат и спасут, – предложила Лиля. – Помогите!

Я выронил телефон, и он нырнул в ковер гнили на полу. Желания копаться в этой дряни у меня никакого не было. Телефон новый и не из дешевых, с кучей бесполезных для меня цацек в виде камеры, вайфаеф, интернета и еще чего-то непонятного, но модного, но безгловость в данном случае сильнее жадности. Мне ступать по полу противно, не то что... до сих пор ладони липкие.

– Не ори, дура! – завопил на нее Прыщ ничуть не тише. – У меня чуть сердце не остановилось. Сперва этот орал теперь

ты... Припадочные!

– Не надо так говорить, – сказал Тимоха.

– Сам дурак, – надула губы Лиля. – Дурак и извращенец.

– Я? Извращенец?

– Думаешь, я не видела, чем ты на работе занимаешься?

Сиськи-письки на весь экран. А еще казино виртуальное, биржевые графики. Сколько раз собиралась пожаловаться Ильичу, да жалела тебя дурака. Вот уволит он тебя и кому ты потом такой нужен.

– Да меня с руками и ногами заберут. Я профи. А сиськи-письки говорят о том, что я мужик. Что, лучше если бы я на голых дядек смотрел? А? А сама то, из одноклассников, контактов и прочих социальных сетей не вылезаешь. Да что говорить, ты профи по пасьянсу и косынке. На большее твой умишко не тянет. Да не пыжся ты так, а то ниточка порвется и уши отпадут.

– Перестань, – сердито сказал Тимоха.

– Не тебе решать. Что хочу то и говорю. Чего они вопят? И так не по себе... И обзывается... Дура!

– Не нужно обзываться. И девушку оскорблять не нужно.

– Да пошел ты... – Прыщ очень конкретно пояснил, куда идти Тимохе вместе с его нравоучениями. – Айвенго нашелся... За милых дам, за милых дам...

– Спокойнее, – сказал Ильич, становясь между ними, – ссоры нам сейчас ни к чему. Кто и чем занимается на работе, мы обсудим позже, в моем кабинете. Сейчас нужно обследо-

вать комнату и найти выход. Я двигаюсь первый, вы за мной. Только осторожно и без ненужного геройства. Смотрите под ноги. Не отрываться, в темноту не уходить. Держитесь за руки.

– Детский сад, – хихикнул Прыщ.

– Я давно зажигалку не заправлял, – как бы между прочим сказал Ильич.

Потная рука Прыща тут же обхватила мое запястье.

– Не отрываться, – прошептал он. – Я держу тебя, Димыч.

За полгода совместной работы мы привыкли пожелания нашего руководителя Ильича, или как мы его называем за глаза – босса, воспринимать как приказ. Моряк в прошлом он требовал безоговорочного подчинения и железной дисциплины, но при этом был спокойным и отходчивым. Командовал он нашим маленьким экипажем не повышая голоса и всегда умудрялся быть вежливым и корректным. Этот маленький, сухонький старичек неопределенного возраста, совершенно серой внешности, с выдубленным океаническими штормами морщинистым лицом, линиялым зализанным на пробор жидким волосом был своего рода нашим капитаном в море бизнеса. Как-то мимолетная подружка на вечеринке попросила описать своего начальника. Никаких слов кроме «никакой» и «обычный» я подобрать не смог. Она рассмеялась и сказала, что такому человеку нужно работать шпионом или диверсантом. Словесный портрет – чистый лист.

Человек невидимка.

Толпой слепых, прицепившихся к зрячему поводырю, мы двинулись за боссом и его зажигалкой вдоль стены. Слабющего пламени едва хватало, чтобы хоть что-то видеть под ногами. Сырая стена поблескивала, а с невидимого в темноте потолка то и дело срывались капли.

– Нашел, – сдавленно сказал Прыщ.

Все остановились.

– Слева.

– Да уж, – заметил Ильич, поднимая зажигалку повыше.

– Что там? – спросила Лиля, выглядывая из-за Тимохи. – Я не вижу.

– Ты не ходи сюда, – попросил Прыщ. – Тимоха, придержи ее. Не стоит ей это видеть. Не стоит.

Пляшущий язычок пламени выхватывал из мрака то, что еще недавно было людьми.

Белеют сквозь сгнившее тряпье кости. Пялятся чернотой пустые глазницы из-под ржавого, пробитого на темени шлема. Из панциря высунулась крысиная мордочка, любопытно сверкнула в нашу сторону глазками и тут же скрылась.

– Древняя могила? – предположил Прыщ. – Вон и меч валяется, ржавый весь. Воины, точно из Варкрафта. О, вон еще один, – он указал на утыканное стрелами тело.

– Нет, не могила, – возразил я, присаживаясь на корточки

у тел и прикрывая ладонью рот и нос. — Смотри, трупы отличаются по степени разложения. Вот этот лишь кости тряпье и ржавые железки, а у того, что дальше...

— Сам вижу. Давай без подробностей. И так мутит. Черт с ней с могилой и трупами, ты лучше скажи, как мы оказались здесь?

Я лишь сдвинул плечами в ответ.

— Глотни, — Ильич ткнул мне в руки плоскую карманную фляжку.

Такие штамповки обычно в сувенирных магазинах продаются. Чаще всего в подарочных наборах в паре с ручкой, зажигалкой, брелком или еще какой дешевой безделушкой, с которой позолота или хром через месяц хлопьями отпадают.

— Зачем? — с удивлением глянул я на него. Мне показалось, что он постарался это сделать так, чтобы никто не заметил. — Что это?

— Бренди. Первосортный, — шеф заговорщицки подмигнул. — Тебе сейчас это необходимо. После вчерашнего... и сегодняшнего.

Я скосил глаза на кости, согласно кивнул и приложился к горлышку. Доза алкоголя мне сейчас очень кстати. И голову попустит и дрожь в коленях ослабнет, а то трусит с перепугу... Хоть бы Лиля не заметила. Хочется мужиком выглядеть. Хотя бы выглядеть.

Напиток обжег гортань. Ну и гадость. Хуже соседского самогона. Ореховая настойка с ванилином, гвоздикой и прочи-

ми пряностями, чтобы безуспешно скрыть паскудный вкус и запах. Вот тебе и первосортный бренди. Видимо это для гурманов. Таким любителям пива как я никогда не оценить букет, выдержку и прочие непонятные мне достоинства бренди.

Чтобы не обидеть Ильича показываю большой палец, мол, супер. Негоже перед работодателем недовольные мины корчит, пусть даже и в такой неопределенной ситуации. Ситуация – это сейчас, но ведь должно быть и завтра. А завтра у меня трудовой подвиг на рабочем месте. Это если конечно выберемся отсюда.

– Вот и хорошо, – сказал он, и фляга незаметно для окружающих скрылась во внутреннем кармане пиджака.

Огонек зажигалки предательски дрогнул и начал слабеть. Рокот барабанов становился все громче и громче.

Безрезультатные попытки найти выход из комнаты были прерваны лязгом сверху. Словно кто-то отодвигал древний засов.

Все задрали головы вверх, а Тимоха еще и сделал зверское лицо. Жаль Лиля была слишком увлечена звуком и не смогла оценить героическую мину восторженным вздохом.

Лязгнуло еще раз.

Чахлый язычок пламени в последний раз конвульсивно вздрогнул и умер, оставив нас в полной темноте.

От раздавшегося скрипа несмазанных петель я поморщился и втянул голову в плечи. Темнота порождает страх неизвестности. Вот и сейчас я стою сжав до боли кулаки, не зная чего ждать.

Сверху посыпалась пыль и мелкий мусор.

– Что за?.. – но Прыщу не дал договорить вспыхнувший ярким светом в потолке квадрат.

На какое-то время я ослеп.

Лиля испуганно ойкнула, а Тимоха грозно рыкнул что-то нечленораздельное, но однозначно идентифицируемое как угроза.

Несколько секунд мы дружно терли глаза, режущие от снопа яркого света лившегося из люка в потолке.

Из квадрата опустилась веревочная лестница.

Лиля побледнела и уже готова была упасть в обморок, естественно дождавшись вовремя подставленной мужской руки.

Я завертел головой пытаясь найти убежище от возможной опасности, но голые каменные стены и припорошенный гнилой соломой пол предоставляли в этом вопросе не так уж много вариантов.

Ильич с хитрым прищуром, выражающим скорее любопытство, чем страх смотрел вверх.

Зазвучали какие-то странные голоса, зазвенел металл.

Переглянувшись, мы кучкой баранов засеменили в сторону, ожидая худшего.

Дождались.

В проеме люка показалось бородатое лицо и что-то проквакало на незнакомом языке.

– Чего надо? – хмуро поинтересовался Прыщ, протирая краем футболки стекла очков. Водрузив их на нос, он глянул на гостя и грустно изрек, – Водяра точно паленая была. С карбидом и димедролом. Вот и галлюцинации на лицо. Сто пудов не реал.

– Спокойно, – тихо скомандовал Ильич. – Будем разбираться.

– Ты кто? – поинтересовался Тимоха у бородатого лица.

Бородач заквакал и жестами показал, чтобы мы выбирались наружу.

– Ну что, камрады? Полезли знакомиться с аборигеном? – предложил Прыщ. – Надеюсь, сверху хоть воняет меньше. Мне уже кажется, что я за год от этой мерзости не отмоюсь. Может эта жаба объяснит, куда нас по пьяни занесло. Чем-то он на небритого француза похож. Не зря же их называют лягушатниками. Но мое мнение остается прежним – мы что-то не то выпили и у нас коллективные глюки. Ну не должен нормальный человек так квакать. Даже для француза чересчур. Это прерогатива жабьего племени.

– Я пиво пил. Мои галлюцинации должны отличаться от ваших, – напомнил я, разглядывая незнакомца, бесстыдно плящущегося на нас. Так плятятся на буренку на базаре, прикидывая, сколько с этих сисек в сутки можно молока надер-

гать.

Ох, чует мое сердце не глюки это. И разум про то же шепчет. Мы точно во что-то влипли. И француз этот странный и каменный мешок, попахивающий средневековой тюрьмой. Именно тюрьмой, а не могилой, как говорил Прыщ. Все тела в могиле, или коллективном захоронении должны находиться примерно в одном состоянии. А вот в тюрьме предусматривается пополнение личного состава... хм-м но не предусматривается наличие оружия. А почему бы и нет. Сидя в каменном мешке с единственным выходом – люком на высоте этак восьми-десяти метров присутствие меча погоды не делает. Разве что соседа чикнешь и, погрязши в грехе каннибализма, продлишь свои дни и тюремщикам шоу устроишь. Или из гордости или слабости харакири... Но тоже шоу. Был бы зритель. Вот и подбрасывают они новобранцев в камеры к озверевшим от голода и одиночества старожилам. И ставки делают кто кого. Острое железо в руках уравнивает шансы. Новичками движет желание жить, старожилами выжить. И нет места компромиссу. Мы бы на их месте были ничуть не лучше. Прошло всего ничего а мы уже перегрызлись... А если бы несколько дней... недель... без пищи, лишь слизывая влагу со стен... Какими бы мы стали, цивилизованные люди?

Чистой воды начало третьесортной фантастики. Главные герои, очнувшись с похмелюги, заимели амнезию и долгосрочную экскурсию в средневековый мирок, ожидаю-

щий своих героев. Кому-то же надо колбасить драконов и прочую мерзость ползуче-летуче-пресмыкающуюся и нежно или грубо, в зависимости от обстоятельств и темперамента, овладевать прекрасными принцессами, уныло ожидающими в сумрачных покоях на вершинах высоченных башен. И ждет нас великая миссия – спасение местного человечества в локальном масштабе, сопровождающееся батальными эпизодами с выше упомянутыми представителями местной фауны на фоне живописной флоры. Вот только мой врожденный пессимизм подсказывает мне, что скорее нас ожидает судьба буренок чем былинных богатырей.

Один за другим мы медленно поднимаемся по лестнице вверх.

В лицо дует прохладный ветер, разгоняя уже ставшее привычным за последнее время зловоние.

Я лезу вторым, вслед за Ильичом, завидуя умению старичка столь свободно перемещаться по извивающейся и норовящей выскользнуть из-под ног лестнице. Морское прошлое дает о себе знать. Возраст возрастом, а как обезьяна по лианам поскакал. Наверняка в учебке по вантам парусника не один километр набегал. Грот, фок, бизань и чего у них там еще есть там вдоль и поперек излазил.

Громко чертыхаясь за мной двигается Прыщ. Вот он точно впервые в жизни по канатной лестнице ползет. Дитя современных технологий. Восьмидесятый уровень в какой-то

линейке, а тюфяк тюфяком. Руки только под клавиатуру заточены. Хотя бы не грохнулся. Солома соломой, но пол то каменный.

По очереди мы оказываемся в длинном извилистом коридоре кишкой тянущемся вверх. Стены, пол и потолок коридора выложены плиткой с причудливым орнаментом. Плитка на потолке излучает мягкий матовый свет.

– Ой! Вы посмотрите на стену! – восторженно шепчет Лиля, прижимая руки к груди. – Что это такое? Как красиво!

– Вау! – вскрикнул Прыщ. – Штрихкод. Только кривой какой-то... Как после вчерашнего рисовали.

– Клинопись, – спокойно заметил Ильич.

– Это ты Прыщ, после вчерашнего, – проявил юмор Тимоха и широко улыбнулся. – А это клинопись. О! Между Тигром и Евфратом шумеры жили. В школе учили. Междуречье... Помнишь?

– Конечно, помню. Каждый вечер про них на ночь читаю.

– Посмотрите, какая прелесть, – указала Лилия на стену

Оказывается, я ненароком коснулся рукой стены, и та ото звалась чередой вспыхнувших символов. Черточки и палочки светятся, образуя строки и столбцы непонятного содержания. Ильич прав, надписи похожи на клинопись. Что-то такое вспоминается с эпохи школьной скамьи... Шумерские письмена, Междуречье... В голове лишь слова без сопутствующего им смысла. Я никогда не любил историю и нико-

гда не понимал какой прок учить мертвые языки. Чему можно научиться у цивилизаций, которые ушли в прошлое? Раз исчезли, значит путь был ошибочен. Учиться нужно у сильных.

Бегущие ряды символов гипнотически действуют на меня. Вспышки одна за другой, словно азбука Морзе несут мне поток информации, с которой не в силах совладать сознание. И барабаны навязывают свой ритм. Сердце невольно пульсирует им в такт.

Свет вокруг меркнет, и мягкое течение уносит меня вверх, сквозь каменную толщу.

Невесомой тенью я пронзаю мир навстречу восходящему солнцу. Покорный воздух ласкает лицо, признавая мое превосходство. Облака учтиво расступаются, пропуская меня. Нет, не меня. Нас! Рядом летят журавлиным клином десятки воинов в золотых доспехах. Они словно сказочные самураи в японских анимешных мультиках, так популярных у современных детей. Полощутся за плечами, точно крылья длинные плащи. Свистит, облизывая невиданной прочности доспехи воздух. Сверкает в лучах восходящего солнца броня, затмевая по яркости само светило. Кисти рук в золотых перчатках, закрытые пластинами щитков сомкнуты на рукоятях изогнутых мечей, чьи лезвия покоятся в богато украшенных резьбой ножнах. Скрытая ними разящая

мощь способна поставить на колени не одну армию. Лица скрыты забралами гребенчатых шлемов. Лишь глаза в узких прорезях причудливых шлемов пристально взирают на меня. Они словно ждут от меня чего-то. Меня опьяняет чувство мощи и единства. Я, наверное, еще никогда не был так счастлив. Все прежние радости жизни пыль, по сравнению с заполнившим меня чувством. Я словно после длительных блужданий по безжизненной пустыне оказался дома, там, где я нужен, там, где меня ждут, там, где я свой. В одно мгновение тускнеют воспоминания о ничего не значащих победах на рабочем фронте, покоренные красавицы... Вся моя жизнь становится бесцветной и пустой. Приходит понимание, что до сих пор был всего лишь сон, иллюзия, призрак настоящей жизни ради которой я был рожден. Как один золотые воины ударили крепко сжатými кулаками правой руки себя в грудь. Небеса вздрогнули от грома, подтвердившего мою правоту.

Я попытался протереть глаза, чтобы убедиться, что это не сон, но золотая перчатка уперлась в забрало. В покрывающих ее щитках мелькнуло отражение глаз. Моих глаз.

Мир внизу съезжился под гнетом нашей силы. Покорно склонились к земле деревья, горы стали ниже, океаны застыли гладью, реки приостановили течение, а крошечные фигурки людей рухнули на колени. Мир выражал почтением хозяевам.

– Ты чего? – Я чуть не упал от толчка Прыща. Он хохотнул, – Ты чего в ступор впал? Уже целую минуту на этот штрихкод пялишься. На слова не реагируешь. Никак расшифровал-то каракули? И чего там пишут?

Ильич бросил на меня пристальный взгляд и затянулся сигарой.

– Ничего, – буркнул я. – Кроме того, что Прыщ дурак, а это и так все знают. Пошли вперед. Наш бородач вон уже где. Рукой машет. Приглашает идти за ним.

Прыщ обиделся и громко засопел, шагая впереди меня. Вот уж мальчишка. Наглый, усыпанный прыщами, обидчивый очкарик, очень озабоченного возраста. Он самый молодой в коллективе. Студент заочник третьего курса и по совместительству наш программист. Говорит, что он гений в этой области и способен порвать самого Билли на форточки. Я не знаю кто такой этот Билли, но наш Прыщ, скорее оболтус, хвастун и неудачник. Регулярно зависающие компьютеры, постоянное пропадание интернета и вирусы жрущие самые важные файлы тому подтверждение. А после того как кто-то из конкурентов безнаказанно спер деловую переписку из моего почтового ящика я вообще перестал его уважать как специалиста. И фирма убыток понесла в связи с утерей выгодного контракта. Я думал босс отправит его на все четыре стороны, но везучим оказался стервец. Отделался ин-

дивидуальной вздрючкой тет-а-тет.

Далеко впереди виднеется дневной свет. Держась друг за друга, мы движемся вверх, вслед за незнакомцем. По пути мы минуем более десятка ответвлений, в полу которых видны люки, такие же через который мы только что выбрались. В сумраке тупиков копошатся невыразительные тени. У меня даже не возникает желания пристальнее в них всматриваться. Мне уже не кажется, я просто уверен, что нас ожидают из ряда вон выходящие сюрпризы, находящиеся за пределами моей фантазии.

– Твою мать! – вскрикнул Прыщ, прильнув к парапету балкона. Глянув вниз, он тут же попятился. – Ух ты! Высоко! Где же мы? Эй, люди, это стопроцентово не водяра. Все это в реале! Эй! Вы меня слышите? – Он потряхнул меня, словно пытаясь пробудить ото сна. – Димыч! Ты видишь все это? Видишь?! – Его голос сорвался на визг.

– Вижу, – еле слышно прошептал я и шагнул к парапету. – Все вижу.

Прыщу моих слов оказалось мало, и он бросился тормозить Тимоху. Тот, прижав к груди съжившуюся от порывов ветра Лилю, глазами наивного дитяти взирал на открывшийся пейзаж. Прыщ поняв, что героя не прорвать обхватил руками голову и присел у стены.

Холодный ветер резал глаза, стегал по лицу, норовил со-

рвать с плеч джинсовую куртку. Воздух был наполнен непривычными ароматами и жег ноздри.

Еще не успевшее достигнуть зенита красное солнце ласкало взглядом город. Он в ответ чуть менее ярко отсвечивал мириадами солнечных зайчиков. Сверкали зубчатые стены, опоясывающие город неправильным овалом. Сверкали тянущиеся ввысь изящные башни. Тускло отсвечивали коренастые строения под нами, похожие на грибы-переростки. Даже дороги, покрывающие город паутиной, казалось, что излучают свет.

Город был настолько величен, что мы даже забыли о перепачканной и приобретшей тяжелый запах одежде, квакающем проводнике, тюрьме могиле. Наши взгляды притягивало невиданное доселе чудо

Город был нереален ровно настолько насколько и прекрасен.

Он был огромен и великолепен.

И никакого отношения к Земле не имел. Однозначно.

Пять фигур, съежившихся от страха неизвестности и восторга созерцания, на балконе одной из многочисленных башен были лишь еще одной крупинкой огромного города.

Наша башня находилась на самом краю города, почти у стены. От центра нас отделяет, наверное, километра четыре-пять, большая часть из которых приходится на проплеши-

ну. Как бы лысина на курчавой голове – глупая и неуместная.

– Это чудесно, – сказала Лиля, глядя на исполинскую башню, растущую из центра города.

Она была существенно больше других, даже с учетом разделяющего нас расстояния.

Я никогда не видел вживую все сто два этажа Эмпайр-стейт-билдинг, царапающего острым шпилем небо над Нью-Йорком, но уверен, что башня куда больше и красивее. И есть в ней что-то этакое... даже слова подобрать трудно. В общем, не люди ее строили.

Сужающееся кверху изящное туловище уже под облаками венчает золотой шар способный конкурировать с солнцем. Где кончается шпиль, расположенный на шаре можно лишь догадываться. И все из стекла или чего-то похожего на него.

– Как в сказке, – произнес Тимоха.

Он подошел к краю, уперся ладонями в ажурный парапет – сплетение полупрозрачных веток, листьев и неизвестных плодов. Ветер надувает спортивную куртку пузырем на спине.

– Волшебник Изумрудного города? – спросил я.

– Как ты угадал? – обернулся он. – Я только об этом подумал.

– Сам не знаю. Хотя ничего общего. Тут очки не нужны, все и так необыкновенно.

Прыщ рассмеялся:

– Сейчас явится Гудвин, великий и ужасный и начнет раздавать подарки. Тимохе насует булавок под скальп. Димычу храбрости нальет, а то пасует он часто...

Прыщ затронул болезненную для меня тему. Ну, было дело. Не так давно решили мы с ним после работы испить пива в только открывшемся чешском пабе. Пиво было что надо. Я предпочел темное, а коллега пошел по легкому Великопоповецкому козлу. Густой маслянистый напиток с тугой шапкой пены в очередной раз убедил меня, что лучшие пивовары живут именно в Чехии а лучшее чешское пиво – темное. Прыщ скорее из вредности принялся оспаривать мои вкусы но, отхлебнув из моего бокала Крушовице черное, тут же признал свою неправоту. За что мы не преминули выпить. Настроение после пары кружек было самое благодатное. На выходе из паба, мы разминулись с пятеркой подвыпивших парней. Я ненароком задел одного плечом. Извинения не помогли. Парням нужен был лишь повод... В общем, сбежал я тогда... а на следующий день Прыщ пришел в темных очках, которые скрывали не только синяки но и презрение ко мне. Не люблю об этом вспоминать.

– В язык он тебе булавок насует, – сказала Лиля. – Чтобы болтал меньше.

Только сейчас замечаю тихонько хихикающего в кулак бо-

родача – нашего поводыря. Он явно наслаждается, созерцая наше удивление.

Его одежда состоит из лохмотьев кожи, кусков ткани и перетянутых бечевкой мокасинов. Не сомневаюсь, что все это ранее принадлежало узникам. Веревку, служащую поясом оттягивает короткий меч.

Только Ильич остался безучастным перед красотой города. Его куда больше интересовали выстраивающиеся за нашими спинами солдаты в черных кожаных мундирах. Лезвия алебард замерли в полуметре от нас. Подобострастно склонившись, придерживая меч, бородач попятился и исчез в дверном проеме.

Солдаты начали брать нас в кольцо, оттесняя от выхода и парапета.

– Я чего-то не понял? – поинтересовался Тимоха, и отодвинул девушку за спину. – Чего они хотят?

– Точно не в щечку тебя чмокнуть. Накаркал я с Гудвином... – Прыщ нервно хихикнул и шастнул за спину Тимохе. – Ты у нас атлет. Тебе и карты в руки. Дерзай. Это примитивное отребье тебе не соперник. Порви их как я Билли. А я потом тебе свежайшую стратегию на комп поставлю. Таковую, как ты любишь только еще круче.

– Ты хочешь, чтобы я их побил? – Тимоха оценивающе глянул на солдат.

Судя по довольной ухмылке, у нас еще есть шанс.

– Что-то вроде того. – Прыщ аккуратно пальчиком отвел в

сторону почти коснувшееся лица острое алебарды. – И давай побыстрее, пока с меня скальп не сняли. У меня под ним мозг. И вообще я нервничаю, а это вредит моему интеллекту.

– Да ну? – хмыкнул я, оглядывая солдат.

К земной реальности они имели такое же отношение, как и город. Даже если не говорить о технологиях, то кто, способный отлить город из стекла, будет вооружать солдат примитивным холодным оружием.

– Тимошенька, я в тебя верю, – прошептала Лиля. – Только будь, пожалуйста, осторожнее.

Кольцо солдат сжалось. Скуластые, еле отличимые друг от друга бледные лица. Глубоко посаженные равнодушные глаза. Выдающиеся надбровья и узкие лбы. Тонкие сжатые губы. Тускло отсвечивающая кожа чопорных мундиров.

– Не тормози Тимоха! – заорал Прыщ и проворно лягнул в коленку ближайшего солдата. Уронив алебарду, тот запрыгал на одной ноге, шипя от боли. – Бей инкубаторских! Смерть клонам! Джедаи вперед!

Другой солдат нанес тычковый удар древком алебарды, целясь очкарику в лицо. Прыщ резво уклонился и рыбкой выпрыгнул из оцепления. Удар пришелся прямо в голову Лиле. Охнув, хрупкая девушка сложилась пополам на полу.

Рассерженно рыкнув, Тимоха ухватил обидчика за голову и рывком отправил его за перила. Вопящей черной вороной солдат устремился к земле.

– Не бывать тебе Икаром, – заорал ему вслед Прыщ и от-

бежал к более спокойному краю балкона. – Так их Тимоха!

Уклонившись от выпада алебарды, Тимоха мастерски провел хук справа и еще один солдат скрылся за перилами. Лавируя меж пытающимися ужалить лезвиями, Тимоха отвешивает тумачи налево и направо. Противник, по видимому, был не готов к такому сопротивлению. Кто знал, что столь интеллигентное собрание в силах за себя постоять.

– Сзади, – вопит Прыщ.

Тимоха рухнул на пол, чем и спас себе жизнь. Сталь столкнулась со сталью над его головой. Ухватив ближайшего солдата за ноги, Тимоха принялся крутить его вокруг себя, разбрасывая врага в стороны. Под таким натиском противник начал отступать к ведущей вниз лестнице, обвивающей башню спиралью.

– Так их! – кричу я, и на четвереньках ползу к Лиле.

Тело несбывшейся профессиональной танцовщицы практически ничего не весит.

С облегчением вздыхаю, покинув поле битвы.

Дальше происходящее я наблюдаю, прислонившись к стене башни и держа голову девушки на коленях. Когда-то белый мой носовой платок пропитался кровью. Это даже не рана, скорее ссадина. Древко содрало кожу практически через весь лоб.

Нет, я не трус. По крайней мере мне так кажется... Даже сейчас я не трепещу от страха, хотя и стоило бы. Просто драки это не мое. Еще с самого детства я старался уклоняться

от рукоприкладства. Дело не в том, что навалиют. Мне было противно от мысли, что я могу причинить боль другому человеку. Но и конечно от того, что причинят боль мне, я тоже в восторге не был. Как-то негуманно это все.

– Хватит! – хлестнул по ушам приказ Ильча. – Тимофей, довольно.

Тимоха, увлекшийся процессом, недовольно посмотрел на босса, не выпуская из-под мышки головы очередного помятого солдата с осоловелыми глазами. Вояка трепыхался пойманной на крючок таранью, безуспешно пытаясь освободиться из тисков. Ильич молча показал на десяток арбалетчиков застывших наизготовку. Увлеченные событиями мы даже не заметили, как они появились.

– Лапки кверху? – ехидно поинтересовался из безопасно-го угла Прыщ. – Капитуляция?

– Хочешь умереть героем? – поинтересовался я, с опаской глядя на арбалетчиков. – Мне кажется, они серьезно настроены. Наверное, и стрелять умеют. Будем проверять?

Прыщ скорчил презрительную мину в мой адрес:

– Сцыкун!

Тимоха разочарованно вздохнул и отпустил жертву, отвесив напоследок увесистый пинок под зад. Очутившись на свободе, солдат как упал на четвереньки, так и рванул вперед, сбив по дороге пару стрелков.

К противнику подоспела подмога. Количество арбалетчиков удвоилось. Перед ними выстроились потрепанные але-

бардщики. Решительно проквашались команды. Пальцы легли на спусковые крючки, готовые отправить в полет смертоносную сталь.

— Мы сдаемся, — спокойно сказал Ильич и поднял руки вверх. — Тимофей, тебе особое приглашение надо? Подними, пожалуйста, руки. Не стоит так глупо умирать.

Снизу раздался топот ног. Еще подкрепление.

— Угу, — недовольно буркнул Тимоха. — Димыч, как она?

— Крупная ссадина. Может сотрясение... Я не врач.

Один из алебардщиков допустил оплошность — нарушив строй чересчур приблизился к Тимохе.

— Сотрясение значит...

Никогда не думал, что апперкот способен отбросить человека настолько далеко. Голливуд не в счет.

—

Побитых, но не побежденных нас ведут по укрытой холмами стеклянной пустоши. Досталось всем даже не принимавшему участия в потасовке Ильичу. Его строгий костюм лишился рукава, и части пуговиц, а лицо обзавелось кровоподтеком.

Прыщ, идет, шмыгая раз за разом, брезгливо кривится, и странно дергая головой. Это он чтобы капли крови из носа в рот не попали. Одно стеклышко очков украсилось трещиной, а дужки погнулись. Выпущенную поверх рваных на ко-

лениях джинсов футболку надувает парусом гуляющий вдоль улицы сквозняк.

Хуже всех выглядит Тимоха. Солдаты избили его лежащего ногами. Так они рассчитывались за свои потери.

Раньше я думал, что Тимоха, этот простодушный сенбернар, способен лишь хвастаться перед девушками своими мускулами и повествовать о былых победах на ринге. Что все эти хуки, апперкоты и джебы лишь антураж, позаимствованный из фильмов. На балконе, невзирая на подоспевших арбалетчиков и приказ босса, он еще успел порезвиться и сломать пару челюстей. Если бы не удар по затылку, неизвестно чем бы все закончилось – ведь я видел лежащие на спусковых крючках арбалетов пальцы и решительные лица солдат. Чудо то, что нас не изрешетили стрелами. А все к тому и шло.

Кисти рук и шею неприятно сдавливает стеклянный шнур толщиной в палец. После того как мы вынуждено прекратили сопротивление, один из воинов бросил в нас переливающуюся бухту веревки и что-то крикнул. Веревка словно по команде развернулась спиралью и обвила каждого из нас. Сначала кисти потом шею. Только нас подняли пинками с земли и выстроили в шеренгу, она тут же затвердела.

– Что с нами будет? – спросила Лиля, со страхом глядя на две шеренги конвоиров по бокам.

Белокурые длинные волосы слиплись от крови из ссадины

на лбу, щеки измазаны потекшей от слез тушью. Наша очаровашка как будто одела страшную маску.

– Не знаю, – сказал я.

– Нас убьют? – ее голос дрогнул.

– Мы не сдадимся! Не посмеют! – прошепелявил разбитыми губами Тимоха. Его неизменный спортивный костюм, вечный повод недовольства босса, приобрел жалкий вид.

Тимоха еле перебирает ногами. Если бы не наши колодки – уже давно упал. А так часть его веса распределяется на меня и Прыща. Не думал что он такой увесистый.

– Хотели бы прибить, сделали бы это на балконе. Чего цацкаться. Раз и все! Утыкали стрелами с безопасного расстояния... И полетели вниз пять ежеиков, – сказал Прыщ. – Верно, я говорю, Ильич?

– Верно. Ежики не летают.

– Они катятся, – добавила Лиля. – Как шары в бильярде. Чем сильнее его стукнешь, тем дальше он катится.

Я расхохотался, не обращая внимания на боль в боку. Солдаты дубасили всех без разбора. Пытаясь защитить от ударов лежащую на моих руках Лилю, я неудачно подставил правый бок под остроконечный сапог.

– Ты чего? – спросил Прыщ.

– Да так. Нас непонятно как занесло в другой мир. Нас избили солдаты. Нас ведут по стеклянному городу. Нас возможно убьют... А вы о ежиках.

Я захохотал еще громче, получил древком алебарды в пра-

вый бок и заткнулся. Ну, надо же какое совпадение, снова в правый.

– Ничего Дима, это нервное, – сказал Ильич. – Ты держи себя в руках. Все будет хорошо. Возможно, этот мир не такой плохой, как кажется на первый взгляд.

– Что значит, возможно? – возмутился Прыщ.

– Ну откуда я знаю, – вздохнул босс. – Я тоже никогда ранее не здесь не был.

– Ага. Так вы тоже считаете, что это не Земля? – вскрикнул Прыщ, чем навлек на себя недовольные взгляды конвоиров. – Что нас похитили инопланетяне или параллельномиряницы?

– Кто? – поинтересовался я.

– Существа из параллельного мира.

– Похищение? – задумчиво переспросил Ильич. – Нет. Сомнительно. А вот по поводу Земли ты совершенно прав.

– Аргументируйте, пожалуйста, – попытался я поддержать разговор. А что еще делать? Смотреть на широкую спину Тимохи или костлявые физиономии стражей? Или любоваться блестящими цацками на их мундирах? Так я на балконе на это вдоволь нагляделся. А больше смотреть не на что. Уже примерно четверть часа мы петляем среди странных стеклянных холмов. Я бы назвал это пустыней из стекла. Нет скорее пустошью. Именно ее я видел с балкона башни. Застывшая пузырчатая масса под ногами, стеклянные барханы вокруг и чужое небо над головой.

– Здесь жили люди, – совершенно не в тему сказал Ильич и с грустью обвел взглядом холмы.

– Какие еще люди? – раздраженный сменой темы разговора спросил Прыщ. – Какой дурак здесь жить будет? Одни горбы стеклянные. Барханы как в пустыне. И жизни нет.

– Это не горбы, – ответил Ильич.

– Хорошо, пусть будут не горбы, а невысокие холмы, если вам так больше нравится, – парировал Прыщ.

– Это ведь были дома? – вклинилась в разговор Лиля. – Правда? Холмы так правильно стоят. Это улица. Мы идем по улице города... Это ведь дома... были? А вон там даже дверной проем можно рассмотреть... Вон, в большом холме справа. Наверное, пятиэтажка была... или даже больше. Высокая какая. Сейчас на оплавленный сугроб похожа. Или огромную сосульку растущую снизу вверх. Словно солнце на мгновение показало свою силу, она подтаяла, и тут же спряталось за тучи. Ледяная скульптура... А за ней маленький домик спрятался... кусочек балкончика торчит...

– Ну и воображение у тебя, – сказал Прыщ. – Нафантазировала тут...

– Правда, – ответил Ильич. – Это был квартал гильдии кожевников. Окраина города. Подальше от центра, чтобы не провонять весь город запахом обрабатываемых шкур... Здесь жили люди. Смеялись дети. Судачили женщины...

– А вы откуда знаете? – перебил я.

– Я не знаю, а предполагаю, – резко ответил Ильич. – Все-

го лишь пытаюсь заглянуть в возможное прошлое.

– Ядерный взрыв? – шепеляво спросил Тимоха.

– Вряд ли, – сказал Прыщ. – Все что я видел здесь слепо из стекла. Заметили? Все! Не верю, чтобы ядреная бомба такого натворила. Тем более что вон впереди видны абсолютно целые дома. Да и какая к черту бомба? Мечи, арбалеты и бомба. Ты думаешь что говоришь? Совершенно разные уровни технологий.

– И отлитые из стекла здания, – парировал я.

Прыщ сердито сплюнул и умолк.

Судя по доносящимся запахам готовящейся пищи, и шуму мы приближаемся к жилой части города. В желудке заурчало от запахов, которые принес ветер. Нестерпимо захотелось жареной картошки. Эх, а к ней пару свиных ребрышек с горчишкой. И капусты квашеной обязательно. И тяжелую кружку пива в придачу. Прикрыть журнальный столик газеткой, сесть на диване, и не торопясь это все умять под монотонное журчание телевизора, шепчущего о вреде жирного и спиртного. И довольно ухмыльнутся, не переставая выковыривать остатки мяса из зубов, услышав что-то о холестерине и атеросклерозе. Не торопясь прошептать в санузел и доказать не блещущему чистотой унитазу, что бежать в аптеку покупать лекарство от простаты еще рано. Не Ниагара конечно, но и не те «шестьдесят процентов мужчин». Нас так просто не возьмешь. Мы сами знаем, что для нас полез-

но, а что нет. Если организм требует мяса – значит оно ему необходимо. Если душа требует пива – значит хорошая душа, правильная.

Навалившееся чувство голода отступает от ощущения, что меня кто-то сверлит взглядом. Насколько позволяет петля на шее верчу головой пытаюсь увидеть, кого же это я так заинтересовал. Потерявшие к нам интерес солдаты монотонно шествуют по бокам, лишь иногда бросая косые взгляды. Для них мы – ежедневная рутина, и не таких видали.

Над невысоким бугром слева от дороги на мгновение показалась чья-то голова и тут же исчезла. Спустя минуту она показалась снова в проеме бывшего окна. Это девушка. Довольно милая, хотя ее головная повязка и шрам на щеке скорее бы подошли какому-нибудь киношному пирату. Не хватает попугая на плече и серьги в ухе.

Увидев, что замечена, она заговорщицки подмигнула и скрылась в тени. Когда подмигивают красивые девушки это приятно. Вот только в данной ситуации несколько неуместно.

– Обалдеть! – Я и сам не заметил, как произнес это вслух. – Смотрите, там девушка...

– Женится пора, – буркнул Прыщ. – Бабы мерещатся. Ты лучше шагай ровнее, а то мне эти чертовы колодки шею натерли.

– Да я серьезно говорю...

– Да не дергайся ты! Шея говорю болит.

– Ну наконец-то, – сказал Ильич.

Дз-з-ы-н-нь – и пять охранников со стрелами в груди рухнули на землю. Оставшаяся пятерка, вскинув наизготовку алебарды, метнулась в сторону, откуда стреляли.

Дз-з-ы-н-нь – и мы остались среди десятка трупов.

– Кто стрелял? – зашепелявил Тимоха.

– Ничего себе! – вскрикнул Прыщ, дергаясь, словно пытаясь сбросить оковы. – Бац-бац и в дамках. Мы следующие?

– Бежим! Нас убьют! – завопила Лиля и рванулась вперед, увлекая нас за собой. – Я не хочу умереть! Бегите!

Никогда не думал что в столь изящном теле столько силы и столько вопля. Поддавшись панике, мы побежали вперед, невзирая на протестующие крики Ильча. Сейчас нам было не до него – хотелось жить.

– Стойте глупцы! – кричал Ильич, стараясь хоть как-то замедлить нас. – Они же нас спасают!

Но никто не хотел слушать. За спиной раздавался топот ног, подстегивающий лучше любого кнута. В любое мгновение стоило ждать стрелы в спину.

Четверкой резвых гончих, волоча сопротивляющегося босса, мы домчали до целых домов, еще немного пробежали по инерции и замерли как вкопанные.

– Живы! – облегченно вздохнула Лиля.

– А толку? – сердито сказал Ильич. – Вы никогда не слышали о том, что враг моего врага мой друг?

– Это как? – поинтересовался Тимоха.

– Уже никак.

Вокруг нас кипела жизнь. Жизнь большого города с поправкой на никогда не виденное средневековые эпохи прекрасных дам и благородных рыцарей, чумы, публичных казней под довольный рев толпы, лопухов вместо туалетной бумаги, клопов и сифилиса.

На большой площади, окруженной нависающими балконами стеклянных домов в три-четыре этажа, расположились десятки ларечков, торговых палаток и маленьких мастерских. Кажется, что неизвестный архитектор умышленно наклонил дома к центру площади, так, чтобы балконы нависали один над другим и образовывали незамкнутый купол, похожий на частично закрывшие лепестки бутона цветка.

Квакают, расхваливая свой товар, торговцы рыбой и тычут его под нос проходим. Те отворачиваются, зажимая ноздри. Пялятся в небо пустыми глазами из огромных плетеных корзин причудливые дары моря. Жонглируют окровавленными кусками мяса широкоплечие мясники, заманивая покупателей в свои палатки с неизменными атрибутами – колодой, топором и крючьями с тушами. Зеленщики размахивают пучками трав и зелени источающими непривычные запахи. Колдуют над комьями глины гончары. Надувают щеки стеклодувы у раскаленных печей. Тянет ручку за еще горячей стеклянной фигуркой малец. Раз за разом обрушиваются на наковальни молоты кузнецов, наполняя город зво-

ном рождающейся стали. Один перед другим выхваляются яркостью и рисунком торговцы тканью. Хмуро зыркает по сторонам наемная охрана, больше похожая на бандитов, у пышных палаток ювелиров.

Тискаются по углам влюбленные парочки. Хорошо одетые мужчины придерживают при ходьбе мечи и горделиво поглядывают на окружающую их чернь. Колышутся пестрые подола дорогих нарядов сопровождающих их женщин. Ажурные платочки небрежно прикрывают брезгливо сморщенные носики, обильно припорошенные пудрой.

Шипит на жаровнях мясо у небольших забегаловок под пестрыми балдахинами, а на круглых столиках покрываются шапками пышной пены кубки. Мечется с гиканьем стайка оборванных детишек, преследуя одуревшую от запаха жарящегося мяса линялую псину. Ждут подвыпивших трудяг уставшие представительницы древнейшей профессии, демонстрируя непреодолимую страсть и увядшие прелести.

Жонглируя факелами, пляшут паяцы. Гремят мелочью в мисочках нищие в ожидании подаяния. Калеки, соревнуясь в изысканности болячек и увечий, так же нагло тянут мисочки к прохожим. Незаметно режет кошелек с пояса купца малолетний вор. Потирает руки наблюдающая за ним стража. Бездомными собаками, понунив голову, плетутся у скрипящих телег хмурые крестьяне.

Наше появление не осталось незамеченным.

Взвизгнули хором женщины, прячась за спины мужчин, героически опустивших ладони на эфесы мечей. Ощетинились наемники у ювелирных лавок, поигрывая иззубренными клинками. Воришка, вздрогнул, и лезвие ножа чиркнуло не по веревке, а по добротной выделанной коже кошелька купца. Со звоном сыпанули в разные стороны блестящие кружки. Толпа детей и неожиданно исцелившихся калек тут же устроила свалку, в которой не преминул скрыться виновник.

Как из-под земли появились десятка два солдафонов. Пустив несколько стрел, скорее из чувства долга, чем по необходимости, в направлении оплавленных домов, они ухватили нас и шустро потащили, словно шашлык на шампуре сквозь предусмотрительно расступившуюся толпу. На нас даже особо не пялились. Разве только мельтешащая под ногами взрослых пацанва. Большинство людей старалось не смотреть на солдат, и делали вид, будто ничего не происходит.

Широкоплечий кузнец в прожженном фартуке опустил огромный молот и, проводив нашу процессию взглядом, презрительно сплюнул под ноги. Тут же из глубин лавки подскочила миниатюрная женщина с чумазым ребенком подмышкой и, приподнявшись на цыпочки, вlepила ему затрещину. Кузнец дружелюбно улыбнулся, погладил женщину по голове и, наклонившись, поцеловал ребенка. Но взгляд его по-прежнему оставался недобрый. И не у него одного. Не похоже чтобы местные стражи порядка пользовались любо-

вью у населения.

Неожиданно кипящую жизнью толпу с гиканьем рассекает отряд черных всадников, раздавая налево и направо удары плетями нерадивым горожанам, не успевшим вовремя обратиться с пути. Свистящая плеть не различает ни богато одетых мужчин при мечях ни нищих, ни женщин. Для нее все едины и равны. Раздаются сдавленные крики, визг боли, и кто-то падает под ноги толпы, метнувшейся в стороны. Затрещали опоры палаток под натиском людской массы. Недовольные крики торговцев вплелись в многоголосый человеческий хор.

Наши конвоиры остановились, и приветственно вскинули руки вверх. Мы от столь неожиданной остановки чуть паровозиком с рельс не сошли. Всадники ответили как один, и, пришпорив лошадей, скрылись за поворотом, даже не удостоив возмущенную толпу вниманием.

Кузнец, долей судьбы оказавшийся на пути у черной своры вытер широкой ладонью нависшие на бровях кали крови из рассеченного лба и недобро ухмыльнулся. Отстранив побледневшую женщину с ребенком, он неторопливо двинулся в сторону наших стражей. Тут же за его спиной образовалось еще человек несколько из разных сословий, объединенных одной целью.

Скрипя гнилыми зубами, хромает нищий, торопливо пряча в карман горсть мелочи. Хромота никак не мешает ему проворно крутануть в руке костыль с железным наконеч-

ником. Тянет из ножен дорогой клинок благородный. Пара близнецов-крепышей, доселе тершавшаяся у пестрой палатки из которой раздавались однозначные ахи-вздохи, вытащила из-за пояса короткие дубинки и, переглянувшись, двинулась вслед за кузнецом. Воришка, еще несколько минут назад пытавшийся обчистить купца оказался с ним плечом к плечу. Замельтешили узкие язычки каленой стали меж тренированных пальцев. Купец скорчил презрительную мину на пухлом лице в адрес недавнего врага и вскинул на плечо кистень. Тяжелый шипастый шар при каждом шаге пинает его по толстым ягодицам, но их владелец слишком увлечен предстоящим, чтобы обращать внимание на столь незначительные неудобства. Одна за другой, не менее выразительные личности дополняли движущееся к нам шествие.

– Что сейчас будет? – прошептала Лиля, глядя на приближающихся людей, и раздавшуюся в стороны мигом притихшую толпу. – Нас спасут? Или наоборот? Эти люди такие страшные... Особенно тот громила с большим молотком... У него такие глаза... Тимоша мне страшно!

– Тимоша, мне тоже, – ехидно сказал Прыщ. – А кому тут не страшно? Нас тащат как собак на какой-то долбаной привязи и сейчас нас будут дубасить, если не одни так другие. Симпатичная ты моя, неужели еще до тебя не дошло, что мы здесь ЧУЖИЕ, и что нам ни капельки не рады. Что это не комикс, к которым так адаптировались твои блондинистые мозги, а реальность, в которой нас не ждет ничего хороше-

го...

– Сергей! – сердито выдохнул Тимоха, сверкая заплавшими глазами, – ты думай что говоришь...

– Ты даже знаешь такое слово, как думать? – затараторил вконец обезумевший от страха Прыщ. – А может, ты еще знаешь, что здесь именно в этом сезоне мода на светловолосые скальпы... Можем бабла нешуточно срубить.

Ильич тяжело вздохнул и сказал:

– Будьте мужчинами, если не получилось быть умными.

Я только открыл рот, чтобы вклиниться в перепалку как слова босса поставили все на свои места. Страх отступил, и наступило состояние объективного восприятия реальности. Честно говоря, состояние глобального перепуга нравилось мне куда больше. В насмерть запуганном сознании мыслей меньше и зловещие гипотезы созревают медленнее.

– Прыщ, Тимоха, прекратите, – отвердевшим голосом сказал я, за что был удостоен благосклонного взгляда шефа в спину. – Не забывайте, что мы вместе. Сейчас это особенно важно...

– У-у-у, как ты заговорил, – сказал Прыщ. – Храбрый ты наш. Ну-ну, покажи нам свое мужество... как тогда...

– Я, я не специально... Так вышло...

– Так вышло? А мне то что? Знаешь, каково получать по морде? И помочь было некому. Ты бросил меня!

– Ребята, чего вы? – сказала Лиля. – Нашли время и место.

– Прости, Прыщ. Прости. Я просто испугался... Но боль-

ше я тебя не брошу в беде... никого из вас не брошу... Клянись!

Пронзительный женский крик прервал меня одновременно со звоном спущенной тетивы. И не одной. Обезглавленной курицей трепыхался в пыли воришка, пытаясь выдрать пронзившую кадык стрелу. Куском теста оплыл купец, так и не успевший снять с плеча свое страшное оружие. Замер оперевшись на костыль нищий. Арбалетная стрела пронзила его насквозь и нашла свою следующую жертву в толпе, в которой за мгновение до этого скрылся благородный. Дорогой меч остался лежать на мостовой цвета бутылочного стекла. И только кузнец несокрушимым исполином шаг за шагом продвигался вперед. Насупив брови, он обломал под корень торчащую в плече стрелу. Бросив полный тепла взгляд на мигом умолкшую женщину с ребенком на руках, он вскинул тяжелый молот и шагнул вперед.

По лицу Лили текли слезы, смывая остатки косметики, и наше скучное и почти беззаботное прошлое.

Прыщ кусал побелевшие губы. Тимоха в очередной раз, багровея от натуги и шепча окровавленными губами проклятия, пробовал на прочность наши путы. Глаза босса были прикованы к рухнувшей на колени женщине. Она одной рукой прижала к груди пищущего ребенка, а другую протянула навстречу... На его лице не дрогнул ни один мускул.

Я отвернулся... но не смог закрыть уши...

Протащив несколько кварталов, нас затолкали в какую-то дверь, предварительно освободив от пут и отвесив по пинку в качестве напутствия. Тимоху напутствовали раза три, пока, наконец, он не оказался внутри.

Мы очутились в большой прямоугольной комнате.

Вдоль стен тянутся устеленные несвежей соломой двухъярусные лежанки из неструганных досок. Сквозь узкие окна под потолком в комнату проникают скудные пучки света и гомон толпы.

– И что дальше? – поинтересовался я, отдышавшись от удара о пол. – И где мы? И чего?...

– Спроси чего попроще, – сердито буркнул Прыщ, ощупывая пол в поисках очков. – Скоты! Нос мне разбили. Болит! И задница. Этот мудака в черном меня точно невзлюбил – так приложил сапогом, что неделю сесть не смогу.

– Мы в подвале, – со всей серьезностью прошепелявил Тимоха. Ему снова досталось больше всех. Он подхватил на руки еле стоящую на ногах Лилю и медленно опустился с ней на пол.

– Правда? – деланно изумился Прыщ. – А я уж было подумал, что мы во дворце. Во чудак, да Ильич?

– Нет. Ты ошибаешься, – спокойно ответил Тимоха. – Это не дворец, а подвал. Ты, наверное, сильно ударился.

– Нет, это ты ударился! Тебя ударили об пол головой сразу после рождения! – заорал Прыщ, вскакивая на ноги. – Ра-

за три. Чтоб наверняка. Но сосунок живучий попался. Окле-
мался и даже вырос.

– Хочешь со мной ссориться? – поинтересовался Тимоха. Он бережно положил Лилию на лежанку и поднялся в полный рост. – Хочешь сказать, что я дебил?

– Да хочу! Ты дебильнее дебильного дебила! – подскочил к нему Прыщ. – Ты уже достал меня своей тупостью. И все меня достало! Стекло достало! Придурки в черных кожан-
ках... Этот кошмарный город! Трупы! Они ведь даже тетку с чилдреном не пожалели. А с кузнецом что сделали... А она ведь смотрела! До последнего смотрела! Она даже тогда гла-
за не закрыла. Как будто все запомнить хотела... Фашисты! Подонки! Мы же не на Земле? Да? Это меня тоже достало! Я домой хочу. Хочу, чтобы это все было компьютерной игрой и всегда можно было выйти. Я не привык так. Здесь нет сей-
вов и откатов. Это реал! Вы понимаете, тупицы – реал! Не будет сейва! Гейм овер нам будет по самое нихочу!

Он сел на корточки и спрятав лицо в ладонях тихонько, как-то по-детски заплакал. Костлявые плечи задергались в такт всхлипам.

Тимоха опустил на пол рядом с Прыщом и положил медвежью лапу ему на плечо.

– Знаешь Серега, мне тоже плохо. И Димычу плохо. И да-
же Ильичу плохо. Но мы мужчины. Нам не положено пока-
зывать слабости. Что бы ни случилось. Если мужчины будут слабыми, на что тогда надеяться женщинам? Мы сила! По-

нимаешь? Сила! Повтори.

– Мы сила, – всхлипывая, тихо повторил Прыщ.

– Не верю, – посмотрел на него Тимоха. – Ты мямлишь как баба. Скажи как мужик.

– Мы сила.

– Слабак! Мямля!

– Тимоха, отстань, – попросил я. – Он же еще ребенок. У него истерика. Мы неизвестно где и ждет нас...

– У всех истерика, – Тимоха аккуратно отстранил рукой Лилу собравшуюся пожалеть Прыща. – Всем плохо. Ей тоже плохо, но она молчит и не жалуется. Мужчина должен уметь терпеть.

– Не ровняй всех по себе, – перехватил я его руку. – Каждый имеет право на слабость.

– И ты туда же Димыч, – сказал он и печально покачал головой. – Какие же вы слабаки. С вашей решительностью у нас ни одного шанса вернуться домой.

– Вы уверены, что этого хотите? – поинтересовался Ильич, неторопливо прикуривая сигару.

– Да, – чуть ли не хором ответили остальные.

– Ильич, что-то я вас не пойму, – раздраженный перепалкой сказал я. – Вам что, здесь нравится? Предлагаете остаться тут жить? Не знаю где мы, но местные нравы и обычаи мне совсем не по душе. Прыщ правильно сказал – фашисты.

– Время рассудит, – неопределенно ответил Ильич. – Сейчас я больше всего хочу отдохнуть, что и вам советую. И не

делайте опрометчивых выводов. Никто не знает, что будет завтра.

– Но вы ведь знаете? – язвительно поинтересовался я.

– Не знаю, но догадываюсь. Жизненный опыт. Поэтому настоятельно советуя всем отдыхать и набираться сил.

– Зачем? – хмыкнул я. – Чтобы нас как быков на бойне... Как кузнеца...

– Он мог этого и не делать, – еле слышно прозвучал голос Лили. – Он сам выбрал. Знал, как все будет, и все равно шагнул вперед. Не мог больше терпеть...

– Безумству храбрых, поем мы песню, – буркнул Прыщ и, оттолкнув руку Тимохи лег на нары. – Только ему уже пофиг. Жмурам все пофиг.

Удобно устроившись, насколько это возможно на жесткой лежанке, присыпанной перепревшей соломой, я вслушиваюсь в дыхание коллег. Тимоха сопит как паровоз – ровно и шумно. Досталось ему сегодня... Но силен мужик... Я бы так не смог. Тихо хныкает и что-то бормочет во сне Прыщ. Что с пацана взять. Студент есть студент.

В узкие окна, под потолком уже заглядывают лучи садящегося солнца. Не смотря на усталость никак не получается уснуть.

В помещении царит уже ставшая привычной вонь. Я не успел еще проветриться от предыдущей порции как получил новую. Теперь я знаю, что так пахнут тюрьмы.

Даже не пытаюсь анализировать события уходящего дня. Это бессмысленно. Нереальность анализу не подлежит. Стекланный город, средневековый быт обитателей, солдаты в черных доспехах, интригующая девушка со шрамом... Сплошная нереальность. Наверное, нечто подобное я смог бы придумать, находясь в утренней депрессии после вчерашнего гудежа. Ха! Сто процентное попадание. Может я вчера что-то не то съел и выпил и теперь кайфую под капельницей в ближайшей больничке. А завтра наступит привычное завтра – скучные лица медиков и вертявые задницы молоденьких медсестричек. Потом в палату припрется босс и устроит мозгосверление по поводу злоупотребления и чревоугодия. Вслед за ним, естественно выдержав положенную для распесочивания паузу, сквозь приоткрытую дверь просочатся сотрудники. Дружески похлопает по плечу Тимоха. Чмокнет в щечку Лиля. Пожелает чего-то непонятного и заумного Прыщ и подарит диск со свежей игрой, которая дома отправится на пыльную полку к десятку подобных. Ну, никогда он не запомнит – не геймер я не геймер, и его вожделенный комп для меня ничуть не круче телевизора. Но вслух я лишь поблагодарю за подарок и пообещаю ближайшую ночь злобно порубаться с орками или демонами, в зависимости от картинки на диске. А потом мы все вместе будем дружно смеяться над моими кошмарами, и вспоминать подробности вчерашней вечеринки. Пусть будет так!

Уже почти уснув, я осознаю наибольшую нереальность –

подобный город невозможно создать даже при наших развитых технологиях. Куда уж этим примитивам с алебардами и арбалетами... Может гипотеза Прыща насчет бомбы не так уж глупа...

Согреваемый мыслью о нереальности происходящего я уснул.

—

Ильич как в воду смотрел. Силы нам точно понадобятся. За спиной захлопнулась дверь, отрезая путь к отступлению. Почему-то вспомнился один из многочисленных лозунгов второй мировой – «ни шагу назад». Очень подходит к нынешней ситуации. Даже если очень захотеть «назад» никак не получится. А хочется с каждой секундой все больше и больше. Разве что крылья отрастить.

– Чому я не сокил, чому не летаю, – фальшиво промычал я под нос. – А жить то хочется ребята... И чем дальше тем больше.

– Приехали, – сглотнул Прыщ, осматривая заполненные зрителями трибуны нависшие над нами. – Остановка амфитеатр. Конечная. Трамвай дальше не идет. Скот подан и готов к публичному расчленению на бойне. Димыч, вот что-то там поешь для храбрости, а нас сейчас убивать будут.

– Опять? – Пронзенный тысячами взглядов я невольно почувствовал себя провинциальной актеришкой, таким

Донкихотом кацапетовского клюба, попавшим на большую сцену. Вспыхнули юпитеры. Копошатся в яме музыканты, шелестя нотами батальных арий для начала и похоронных маршей к финалу. Замерли в ожидании действия зрители. Ерзают в креслах критики, готовясь в пух и прах разнести наше выступление, мол, померли аматоры бездарно, не смогли даже уйти красиво. В общем, бездарность редкостная, туда им и дорога. Аминь! Закапывайте, а то выпить пора.

– Они хотят, чтобы мы выступали? – поинтересовался Тимоха, глядя на бушующую в ожидании представления публику. – Серьезно?

– Ага, танцевать будем, – нервно хихикнул Прыщ и пожегилсЯ от утренней прохлады. – Танец маленьких дохлых лебедей. Тем, кто будет громче всех аплодировать – приз – честь первыми ощипать тушки... перышки на сувениры... Как у павлинов.

– Причем здесь павлины? – уставился на него Тимоха. – Что-то я не понимаю, о чем ты говоришь. То лебеди то павлины. Аллегория?

– Тимоха, ты в зоопарке хоть раз был?

– Конечно. Три, нет четыре... нет, все-таки три раза меня мама водила. Там вату сахарную у входа продавали. Вкусная. И обезьяны такие смешные. Особенно те, которые с красными попками.

– Бабуины, – улыбнулся Ильич, хотя ситуация никак не располагала к веселью.

– Да точно, бабуины. Спасибо Ильич. Они были такие смешные. Я так смеялся, что даже уронил свою вату. И один этот, как его...

– Бабуин.

– Да точно, спасибо, протянул руку сквозь решетку, схватил ее и слопал. Я так плакал. Теперь я ненавижу бабуинов. Но причем лебеди и павлины?

– Теперь даже и не знаю что сказать. – Прыщ с деланным состраданием посмотрел на Тимоху, потом вздохнул и продолжил: – У входа в зоопарк в ларьках всегда продавали перья павлина как сувениры. Но никто из покупателей, ни разу не спросил, как птица расстается со своим украшением... Ладно, проехали

– А если серьезно? – спросил Тимоха. – Кажется, я чего-то не понимаю. Зачем здесь собралось так много людей?

– Колизей, – восхищенно сказала Лиля. После отдыха она выглядит куда лучше. – Арена смерти и славы гладиаторов.

– То есть нас, – дополнил я, с трудом перекрикивая рев возбужденных зрителей и пристально посмотрел на босса. – Я думаю, Ильич про это может много рассказать. Мне так кажется!

– Потом, догадливый ты наш, – отмахнулся он. – Премию за смекалку ты уже заработал.

– А ваше «потом» когда-нибудь наступит? – спросил я.

– Скорее нет, чем да, – философски ответил Ильич. – Арена покинуть живым непросто. Необходимо заслужить ува-

жение и любовь публики. Получить признание или победить во всех схватках до полудня. До сих пор это никому не удавалось. Можете попробовать удивить зрителей, а то кроме банальной резни с predetermined результатом они ничего не видели.

– Вот теперь я чего-то не понял. Тимоха, быть в твоей шкуре мне еще не приходилось. Могу сказать что хреново. – Прыщ переводит взгляд с меня на босса. – Вы о чем? Что рассказать? Вы что-то знаете? Откуда?

– Это уже не имеет никакого значения, – отмахнулся Ильич, и с ненавистью уставился на трибуну на противоположной стороне арены. Никогда доселе он не позволял себе столь явного проявления чувств.

В ложе, утесом темного стекла, нависающей над ареной, появился крупный мужчина в черной мантии. Вокруг него шагали наглухо закутые в черный металл воины с обнаженными мечами. От человека в мантии веяло таким могуществом и силой, что у меня мороз по коже пошел от одного его скупающего взора нашу сторону. Устроившись на троне, он запахнул бархатную мантию и обвел тяжелым взглядом Колizeй. Публика вмиг притихла. Даже самые ярые весельчаки, до этого момента оравшие во всю глоту и махавшие пестрыми флагами, заткнулись и, потупив взгляд, опустились на лавки.

– Старый знакомый? – иронично поинтересовался я у Ильича, но тот лишь неопределенно отмахнулся.

Арена размером с футбольное поле, по периметру в стене имеет примерно десяток дверей. Мы стоим у одной из них. Высота стены метров пять – шесть. Даже если сильно постараться забраться не получится, тем более что она из гладкого стекла цвета неба, а по верху стоит стража, готовая в один миг отправить первопролазца вниз на белоснежный песок. Даже думать не хочется о том, что вскоре он сменит цвет. Интересно, они каждый раз после представления меняют песочек как в кошачьем горшке или же невиданная технология этого места позволяет корректировать цвет. Или здесь очень много дармовой рабочей силы. За пару дней песчинка за песчинкой. Нет, это все же не Китай. На такие подвиги лишь они горазды. Если «потом» для меня все-таки наступит, обязательно спрошу босса. Больно уж он компетентен в делах местных. Откровенно пахнет пятой колонной.

Сбившись в кучку, мы стоим у стены. Одна за другой в ней открываются двери. Прикрывая глаза от яркого света, на арену с опаской выходят люди. Мужчины и женщины, старики и подростки. Есть даже чахлый старичок в инвалидной коляске с английским флажком в подлокотнике. Узкие колеса вязнут в песке, но он упорно толкает свою колесницу вперед.

Всего человек сорок.

Кто-то безучастно смотрит по сторонам пустыми от шо-

ка глазами. Кто-то захлебывается в рыданиях и ломает ногти, пытаясь открыть захлопнувшиеся двери. У ног одного из мужчин растекается лужа. Стоящая рядом женщина одаряет его презрительным взглядом и делает шаг в сторону. Словно перепуганная канарейка по клетке мечется по арене парень в пестром костюме с кожаным несессером в руке. Он что-то щебечет о маникюре-педикюре. Что его ждет клиент и в случае опоздания он обратится к Марлин, а она даже ножницы не стерилизует. Мое знание английского не позволяет полностью суть его воплей, а вошедшая ему в затылок стрела не оставляет на это время.

– Быстро тут все у них, – заметил Прыщ, брезгливо поморщившись.

– Жестоко, – сказал Тимоха. – Как на ринге. Дружба заканчивается за канатами. Так мой тренер говорил. На ринге дружбы нет.

– Я так понял ты профи в этом деле?

– Был.

– И чего?

– Бросил.

– Вот так взял и бросил. Это же бизнес, бабки, слава, будущее... А-а-а, понял. Тебя побили и ты сломался. Страх появился перед рингом. Ощущение поражения.

– Нет.

– Ну а чего тогда?

– Я победил, – вздохнул Тимоха.

– Так это же круто побеждать. Ты разве не за этим через свои канаты лезешь? Небось спорту не один год отдал...

– С восьми лет... Папа хотел, чтобы я рос сильным. Я болел в детстве много...

– Ну, я тебя не понимаю. Победил? Так это же круто!

– Он другом моим был.

– И? Убил, что ли? Ну ты Тимоха зверь. Я уже тебя боюсь.

– Ты не поймешь. Я ему карьеру сломал. Другу.

Судя по одежде, этих людей собрали не только из разных стран, но и из разных эпох. Или миров... Я люблю фантастику и в свете последних событий готов принять на веру что угодно. Даже пришедшую к нам на помощь Панду-кунгфу, даже пингвинов-террористов во главе со Шкипером... Главное чтобы сделать ноги из этого места. Желательно домой и прямо сейчас. К сожалению, главная особенность мечтаний и иллюзий состоит в том, что им никогда не суждено сбыться.

Коренастый викинг с рыжими косичками в кольчуге до колен соседствует с изящным юношей в белоснежной тоге и золотыми браслетами на руках.

Рядом с бородатым великаном в грубой одежде из шкур, возвышавшимся над всеми как минимум на голову, нервно вертит головой накрашенная девушка в облегающем платье, ажурных чулочках и в туфлях на шпильке.

Странного вида франт в пестрых одеждах прикрывается от лучей солнца кружевным зонтиком. Похоже, ошибки природы встречаются не только на земле.

Публика встречает новичков многоголосым кваканием. Кажется, что каждый из зрителей перед тем как открыть рот осторожно поглядывает в сторону ложи, словно получая добро на веселье.

Части стены скользнули в стороны, открывая ниши заполненные холодным оружием.

– О! – воскликнул Тимоха и первым подскочил к нише. – Смотрите сколько всего. Какие мечи... А секиры... Вы только посмотрите какой бастард... Какое лезвие... А заточка... Смотрите, двойной желобок вдоль лезвия. Прочнее и легче входит. Только нужно вовремя отклониться... Понимаете, по канавкам брызгает... Фламберг! Ох! Супер! Глазам не верю! Меч наемников-ландскнехтов. Я возьму его! – Он чуть ли не светится от восторга, беря в руки полутораметровый двуручный меч с извилистым лезвием.

– Фламберг? Никогда не слышал, – сказал я. – Меч как меч, только с кривым лезвием.

– Огненный клинок, – Тимоха любовно провел ладонью по волнистой стали. – Единственный меч, проклятый церковью. Хозяин фламберга никогда не сдавался в плен.

– Это почему?

– Носителя фламберга в случае пленения ждала медленная мучительная смерть.

– Фу, какая гадость, – сказала Лиля. – Вокруг и так насилия полно... а ты железякой восхищаешься. Ты же видел как того мальчика с маленьким чемоданчиком...

– И за что его ждала такая участь? – поинтересовался я. Не чтобы было интересно, чихал я на все эти фламберги и бастарды, просто нужно было что-то сказать.

– Благодаря форме фламберг наносит практически незаживаемую рану склонную к гниению.

– Спасибо, мне сразу стало легче.

– Наши шансы растут, с нами Айвенго, – заметил Прыщ, хмуро оглядывая арсенал. – Ну и что мне с этими железяками делать? Я гениальный программист и сисадмин а не солдафон какой. Мое дело клавишу топтать и алгоритмы придумывать, а не этими фиговинами мотылять. Я умею ломать любой софт, но не человеческие черепа. Это все не мое! Вы понимаете? Ну, посмотрите, где я а где оружие?

– Устроители мероприятия уравнивают шансы и грех этим не воспользоваться, – говорю, вытаскивая из стойки клон японской катаны, хорошо знакомой по восточным фильмам. Ниндзя и самураи так легко с ней обращаются. Может и у меня получится. Почему-то глаз лег сразу именно на нее. Может потому что легче классического европейского рубящего оружия, а я далеко не силач. Большую часть времени я провожу за конторским столом, а не в спортзале.

– Вакидзаси в пару возьми, – посоветовал Тимоха. – Самураи знали свое дело.

– Чего взять?

– Вакидзаси, – Тимоха ткнул мечом в уменьшенную копию моей катаны.

– Это катана только маленькая и не такая кривая.

– Это вакидзаси. Младший и неразлучный брат катаны...

– Да какая разница?

– Разница в том, что кривым можно янычарский ятаган назвать, а катана изогнутая несколько больше вакидзаси.

– Тимоха, я не гладиатор...

– Я не говорю, что ты гладиатор. Это было бы неправдой. Своим видом и духом ты оскорбляешь свое оружие. Суть катаны тебе чужда. Не обижайся. Просто ты не воин, ни душой, ни телом. Не обижайся Димыч. Но нам предстоит сражаться... Просто почувствуй оружие. Возьмись за рукоять. Попробуй его понять. Это не только железо...

– Шершавая.

И чего спрашивается мне на правду обижаться. Я что ли себя не знаю?

– Кожа ската.

– Знаешь, Тимоха, для меня что катана, что твой фламберг все едино. Я ничего грознее охотничьего ножа в руках не держал. Сапка и лопата не в счет. Я катану исключительно из-за веса выбрал. Думаю шпага была бы неуместна.

– Разумно, – сказал, взвешивая в руке топорик, Ильич. – Остальным я советую взять короткие мечи. Они легки. Хватит сил парировать, а если повезет даже ударить. Удели-

те внимание колющим ударам. В этом случае проникающая способность выше и соответственно выше шанс поразить противника. Рубящие удары применяйте для горла, связок и брюшины. Выпавшие кишки, замедлят врага. Впрочем, в вашем случае, все эти советы пыль. Если будет возможность, постарайтесь, хотя бы отражать удары... Хотя бы первый... И двигайтесь. Все время двигайтесь. Не будьте мишенями. Двигайтесь, уклоняйтесь и пытайтесь ужалить. Забудьте о честности и благородстве. Удары в спину и пах приветствуются.

– Краткий ликбез для камикадзе. Напутствие гуру чайникам, – нервно хихикнул Прыщ. – Ну ладно Тимоха, он спортсмэн и фанат железок стародавних. А вы к мечам каким боком?

– Я прожил долгую насыщенную жизнь, – улыбнулся босс. – Как-нибудь расскажу.

– Ильич, может сдадимся, – краснея под взглядом Тимохи предложил я. – Ну какие из нас гладиаторы... Ведь грохнут в один миг... Может белый флаг и все такое... А? Ильич?

– Будет еще хуже. Воины умирают на арене быстро и храбро, а трусы медленно и позорно. Вот засунут тебя в хрустальный ларь с полусотней голодных крыс. Поднимут ларь на цепях повыше на всеобщее обозрение...

– Проехали, – пробормотал я, сглотнув подступивший к горлу комок.

– Какой он будет, враг? – не отрывая глаз от извилистой

стали спросил Тимоха.

– Не имею ни малейшего представления, – сдвинул плечами босс. – Шоу должно имеет эффект неожиданности, иначе публика потеряет интерес. Довольной и сытой массой легче манипулировать, чем злой и голодной.

– Ильич, что мне с этим делать? – Лиля сунула под нос боссу короткий меч, зажатый в нежной ладошке с наманикюренными пальчиками. – Рубить?

– Руби. Коли. Пытайся выжить. И кричи когда бьешь. Обязательно кричи.

– Зачем. Этим я их испугаю?

– Твой голос прекрасен и не может пугать, – ласково посмотрел на нее Тимоха. – Выдыхая крик, ты вкладываешь в удар что-то большее, чем сила мышц.

– Спасибо. – Девушка взмахнула клинком, и Прыщ чуть не лишился носа.

– Дурная примета, – буркнул он, ощупав лицо, и раздраженно посмотрел на свой меч. – Вот фиговина тяжеленная. Это не эф один, эф два, эф три в линейке. В игре куда проще ней махать. Там думать надо, и вовремя кнопки жать, а тут тяжести тягать.

Зрители заревели громче, приветствуя выходящих из ворот два десятка воинов в черных кожаных мундирах. Выстроившись в шеренгу, солдаты отвесили поклон в сторону трибуны. Получив в ответ вялый взмах руки человека в ман-

тии, они обнажили мечи.

– Это простые солдаты, – шепнул мне на ухо Ильич. – Главное – не бояться. Страх порождает слабость. Они всего лишь люди.

– А будут еще и не люди?

– Если людей переживем, – улыбнулся он.

– Обнадежили, – криво ухмыльнулся я.

– О чем шепчемся? – поинтересовался Прыщ. – Секретничаем?

– Некролог составляем, – ответил я. – Мол, в чужом краю, в неравном бою с силами зла...

Из нашей разрозненной толпы выбежал вперед рыжий викинг с тяжелым топором. Усиленно жестикулируя, он что-то кричит на незнакомом языке. Многие переглядываются и либо разводят руками, либо отрицательно качают головой. Серdito сплюнув, он еще яростнее замахал руками, но так и остался непонятым.

Тем временем шеренга солдат начала неторопливое шествие в нашу сторону. Оглянувшись на них, викинг начал тыкать пальцем в толпу, указывая на наиболее сильных мужчин. Потом жестом пригласил подойти ближе.

– Он собирает боевую группу, – сказал Тимоха. – Прыщ, посмотри за Лилей до моего возвращения. Димыч пошли.

– Ну, пошли, – обреченно вздохнул я. – Буду от тебя катаной мух отгонять.

– Наивный дурак, – закричал Прыщ. – Куда ты собира-

ешься возвращаться и к кому? Нас вырежут как овец. Героя он из себя строит! Да чего весь ваш сброд стоит?

– Присмотри за ней, и Ильичем. Стар он уже в такие игры играть, – глянул на него сверху вниз Тимоха. – Пожалуйста.

– Это кто за кем присмотрит, – подмигнул я боссу.

Ильич хитро ухмыльнулся в ответ.

Вокруг викинга собралось десятка полтора мужчин. Оглядев собравшихся, он покачал головой и презрительно сплюнул. Да уж, на армию мы никак не тянули. Наверняка в его глазах мы были стадом жалких баранов, которых просто грех не резать.

А солдаты все ближе и ближе.

Трибуны затаили дыхание, в ожидании первой крови.

Мое душевное состояние подсказывало, что пора прощаться и отпускать грехи, а то потом времени не будет. Ситуация сто процентов проигрышная. Ни викинг, ни Тимоха, ни эта горилла с дрыном ничего не изменят. Ну потрепают они этих... черных, так их тут много, небось за воротами не один десяток стоит в ожидании своей очереди. В общем финита!

– Тимоха, ты прости меня, если что не так, – сказал я дрожащим голосом. – Я.. я .. я даже если и называл тебя тупым за глаза...

– Я тебя понял, – спокойно ответил Тимоха, не сводя глаз с приближающегося врага. – Зла не держу. Кто-то получает

ум, а кто-то могущество... силу. Физическую силу. Тебе не повезло.

– Спасибо тебе.

– За что? – удивленно глянул на меня Тимоха.

– За... за катану... Что я видом и духом оскорбляю ее...

Ты был прав, я не воин, но... но, я постараюсь...

Слова застряли в горле.

Тимоха подбадривающее похлопал по плечу.

Викинг гортанно взвыл и, раскручивая над головой топор, побежал на черную шеренгу. Подхватив клич, за ним метнулся Тимоха, я за ним, а следом и остальные. Солдаты не ожидали такого поворота событий. Вместо легкой резни на потеху жаждущей зрелищ публике они получили полноценный бой.

Зазвенела сталь. Белоснежный песок окрасился первой кровью.

Викинг, размахивая тяжелым топором, словно перышком, сеял вокруг себя смерть. Рыжий смерч двигался так быстро и разил столь умело, что не возникало никаких сомнений о его профессии.

Тимоха, с двуручным фламбергом, следовал за ним по пятам, прикрывая спину. Неумение фехтовать он компенсировал силой. От его ударов черные мундиры просто отлетали в сторону, даже если успевали выставить защиту.

Неловко махая катаной, я чуть не отрубил себе ухо. Дерь-

мовый из меня самурай. Не оружие делает человека воином, а воин делает сталь оружием. Да и чего можно хотеть от человека, который последний раз держал в руках меч лет двадцать с гаком назад, причем меч был деревянным, впечатления от Вальтера Скотта свежими, а противником была висющаяся на вешалке шуба. Из того боя я вышел победителем.

Уклоняясь от мельтешащей вокруг стали, я споткнулся об искромсанное тело франта и оказался лицом к лицу с противником. На меня хищно уставились глубоко посаженные глаза, словно гипнотизируя. Презрительно искривились губы на костлявом лице. Чудом успеваю заметить падающий на голову меч и прыгнуть в бок одновременно махнув катаной в сторону врага. В его глазах промелькнуло удивление. Черный мундир осел на песок, зажимая ладонью распоротый живот. От ужаса содеянного я заорал и начал, не глядя махать катаной налево и на право. Кажется, я даже глаза закрыл, чтобы больше не видеть крови и выпадающих на песок внутренностей.

Боже, я убил человека! Пусть он и не совсем человек... нет, не такой человек как я... нет, он просто человек из другого места. Да какая к черту разница кто он. Я убил!

От осознания того, что я совершил, я закричал.

– Все, Димыч, – услышал я сквозь свой крик Тимохи. Крепкая рука выдернула у меня оружие. – Я заберу пока... А то поранишься. Потом отдам. Обещаю.

– Я.. я.. уб... уби...

– Все. Все закончилось. Успокойся. Ты был молодцом – жив остался. Это и так много. Ты прости, я так закрутился с двумя последними, что потерял тебя из виду. Не ранен?

– Я... я убил, – прошептал я, глядя на свернувшийся калачиком в луже крови черный мундир.

Тимоха проследил за моим взглядом и хлопнул по плечу так, что я чуть не упал:

– Молодец. Не ожидал... Катана в надежных руках. – Он протянул мне меч. – Носи с честью воин.

Песок арены был устелен трупами. В живых остались кроме меня и Тимохи викинг и великан в одежде из шкур. Великан волочил раненую ногу, а Тимоха и викинг были настолько забрызганы кровью, что трудно понять ранены ли они.

В глазах сбившихся в кучу женщин, стариков и детей светилась надежда.

Лиля, стоя на коленях, рыдала от радости, а Прыщ стоял рядом с разинутым ртом и машинально протирал краем футболки стекла очков.

Старичок в инвалидном кресле беззубо улыбался и махал нам флажком.

Над ареной царила тишина.

Публика недоуменно смотрела на неподвижные тела в черных мундирах. Они ожидали явно не такого хода со-

бытий. Налицо нарушение привычного регламента увеселительного мероприятия. Сценарий «бац-бац и в дамках» у черных мундиров на этот раз не прошел. Противник зубастый попался с повышенной тягой к дальнейшему существованию.

С высоты стеклянного утеса на нас недовольно взирал человек в мантии. От его взгляда заломило в висках и появилось чувство, что кто-то рассматривает меня изнутри, копается в моих мыслях.

Викинг вскинул вверх окровавленный топор и закричал толи, выражая радость победы, толи, требуя еще крови. И было в его крике столько жажды жить, что я невольно заорал сам что-то несвязное, вскинув катану навстречу чужому небу. Рык великана и Тимохин «Виват» подхватила толпа «гладиаторов».

Зрители недовольно зашептались, с опаской поглядывая на ложу.

Человек в черной мантии жестом подозвал одного из охранников и указал пальцем на нас. Воин кивнул и одним прыжком оказался на арене, погрузившись в песок по щиколотки.

– Ого, – озадаченно пробормотал Тимоха, делая шаг назад, – Люди так не прыгают. Никакие кости не выдержат. Тут метров двадцать.

– Двадцать пять, – сказал подошедший Ильич. – С поло-

виной. Он еще и не такое может.

– Кто он? – спросил я, разглядывая черные доспехи поражающие своей идеальностью.

– Гвардия. Элитный отряд личной охраны императора. Как вы говорите – зе бест оф зе бест.

– Его холуи? – я ткнул пальцем в сторону трибуны. – Большая шишка?

– Да. Он любит бои смотреть. Кровь обожает. Проигрыша не приемлет. Как бы не сложилось, но любыми правдами и неправдами слуги императора победят. По-другому не бывает.

– Ваша осведомленность меня поражает, – сказал я. – Не могу дождаться, пока у нас появится свободная минутка поболтать в более благоприятной обстановке. Список вопросов все длиннее, а желание дать в морду все больше. Даже не знаю с чего начну...

– Зубы режутся, Дима? Первая кровь меняет характер.

– Не люблю, когда меня за нос водят. А вы ведь именно этим и занимаетесь?

– Пей, – вместо ответа ткнул мне в руки флягу Ильич. Наши соратники наблюдают за лениво приближающимся воином и не видят этого.

– Зачем? Чтоб веселее помирать было?

– Пей, кому сказано. Веселее не будет, но храбрости добавит. Может и до моего лица кулак дотянется.

– Храбрости это хорошо. Ее-то мне как раз и не хватает, –

бормочу, отхлебнув из фляги. – Фу, ну и дрянь. Ильич, вы уверены, что это вообще бренди?

– По старому семейному рецепту. Ты даже не представляешь, сколько лет этому напитку.

– Все-таки самогон, – облегченно вздыхаю я. – Судя по запаху из свеклы и настоянный на всяких зверобоях, мать и мачехах и ароматизаторах а-ля ванилин идентичный натуральному.

Ильич лишь улыбнулся в ответ

– Приготовьтесь! – крикнул Тимоха, вскидывая меч. – Возьмем его в клещи и нападём с трех сторон. Димыч, держи мою спину. Он прыгает как кузнечик. Если что – кричи. Под меч не лезь. Ты, рыжий, с топором – заходи справа. Дикарь – слева. Бить в полную силу. Расколём его как орех.

Великан и викинг стали рядом и с опаской поглядывают на врага. Не думаю, чтобы они поняли речь Тимохи, но интонации были весьма однозначными. Лидер не тот, кто сильнее, а в ком уверенности больше.

К нам подошли Лиля и Прыщ. Он шел, старательно обходя изрубленные трупы и переступая через лужи крови. Когда у его ног зашевелилось чье-то тело, Прыщ побледнел, но сумел удержать себя в руках.

– Лиля, зачем ты пришла? – спросил Тимоха, с обожанием глядя на девушку. – Здесь опасно.

Даже сейчас грязная, измученная, в рваной блузке уже неопределенного цвета, сбитыми неприкрытыми шортами

коленками она была для него идеалом.

– Мы решили, что должны быть с вами рядом, – сказала Лиля. – Правда, Сережка?

Прыщ согласно кивнул и с неприязнью посмотрел на меч в своей руке.

Вскинув на плечо утыканную шипами булаву, великан, волоча ногу, двинулся навстречу врагу.

Взревели трибуны. Публика все же надеялась получить то, зачем пришла.

Я даже не успел заметить, как гвардеец обнажил меч, а голова великана уже упала на песок и покатилась к нашим ногам. Он даже не успел понять, от чего умер.

Прыща стошнило.

Викинг озадаченно подергал себя за косичку, глядя в изумленно распахнутые глаза великана. Обернувшись к нам, он развел руками и, понутив голову, отошел в сторону, что-то бормоча на своем языке.

– Вот тебе и раса неустрашимых берсерков, – хмуро сказал я, глядя на спасовавшего викинга. – Спекся. Это тебе не на драккарах вооруженной толпой налеты на мирные деревни совершать и геройски баб портить.

– Моя сила пыль по сравнению с его скоростью, – медленно произнес Тимоха, не спуская глаз с врага. – Но я попробую.

– Тимошенька! – Лилия на мгновение прижалась к его ши-

роченной спине и тут же отстранилась, словно застыдившись проявления чувств.

– Я тебя никогда не забуду, – нежно сказал Тимоха, не оборачиваясь. – Прощайте.

– Б-б-бывай, – пролепетал, вытираясь, Прыщ. Его трясло так, что меч выпал из рук. – Дурень.

– Тимоха, не дури. Ты ему не ровня. Он же тебя в капусту... – ухватил я его за рукав, пытаюсь остановить.

– Кто-то должен, – сказал Тимоха, освобождаясь от моей руки. – Больше некому.

– Твой ход, – легонько толкнул меня в спину Ильич. – Не дай им погибнуть.

Я только собрался сказать ему, что мой следующий ход в могилу, как вдруг окружающий мир стал размытым, словно акварельная картина, которую облили водой. Голова закружилась, и стало очень нехорошо. Я только было хотел присоединиться к процессу Прыща, так сказать сообразить на двоих как кто-то выключил свет.

Вокруг зазвучали голоса говорящие на странном квакающем языке. Раздается смех и с моих колен спрыгивает мальчик лет десяти. Осмотрев себя с удивлением и недоверием, он радостно засмеялся и захлопал в ладоши. Поклонившись, он выбегает из рубленой избы и присоединяется к стайке сверстников седлающих во дворе свинью. Женищина в простой крестьянской одежде со слезами падает к моим но-

гам и целует пыльные сапоги цвета золота. В углу, вытирая тыльной стороной мозолистой ладони глаза, стоит коренастый мужчина в грубой куртке. У его ног тяжёлый топор лесоруба. Их сына порвал на окраине деревни волк. Мальчик нес обед отцу и старшему брату. Он должен был умереть... Взглянув на раны деревенский целитель только покачал головой и покинул избу. Мальчик заслуживал на жизнь – я пришел.

Встаю с колченогой лавки и выхожу во двор. Мальчишки приветственно машут руками, а работающие у кузницы крестьяне почтительно кланяются. На их лицах смесь страха и уважения. Они еще помнят, как год назад я наказал у таверны конокрада. Мы суровы, но справедливы.

– Мы суровы, но справедливы, – шепчу я, чувствуя как внутри словно пружина сжимается.

Оттолкнув Тимоху, я двинулся вперед.

Сталь встретилась со сталью. Катана чиркнула искрами, отражая смертельный удар в шею. Я не великан, и так просто с головой не расстанусь.

Противник замер в выжидательной позиции, с занесенным для удара прямым мечом.

Я восхищен его молниеносной грацией. Убивать тоже своего рода искусство.

Атака.

Я не вижу, а чувствую стремящееся в сердце лезвие. Миг

и оно пронзит меня насквозь.

Движения гвардейца настолько быстры, что человеческий глаз их не в силае заметить.

И снова катана парирует выпад.

С шелестом тускло-черное лезвие скользит плашмя по джинсовой ткани на моем плече. Точно бритвой срезанная пуговица на рукаве ныряет в песок.

Мы замерли друг напротив друга, ожидая очередного хода. Сквозь узкую прорезь шлема меня пристально изучают глаза, в которых нет ничего человеческого.

На трибунах такая тишина, что я слышу нервное дыхание коллег за спиной.

– Катану тянуть на себя нужно, – шепчет, сжимая рукоять меча Тимоха. – Она не рубит, а режет.

Император с неподобающей для статуса прытью вскочил с трона и бросился к перилам ложи. Его глаза словно пытаются прожечь меня насквозь. На хищном властном лице – ненависть. Ненависть ко мне.

Надо же, сегодня знаменательный день – я персонально удостоен монаршей ненависти. И чего ему злиться? Ну, сумел я отразить пару ударов одного из лучших холуев. Правда, сам не знаю, как это получилось. Не числилось раньше за мной подобных талантов... Да и вообще никаких не числилось.

Неожиданно из-за спины на меня обрушилось двое. Схватив под локти, они умело заломили руки и потащили меня

назад.

– Предатели, – зарычал я, зная, что за спиной только свои. – Кто вы? Покажите лица подонки! Назовитесь уроды! Тимоха бей предателей!

Чем сильнее я сопротивлялся, тем больше становилось суставам рук.

Полный бессильной злобы по поводу вероломного предательства и профессионализма самих предателей, не каждый вот так запросто сможет руки заломить так, чтобы даже шевельнуться больно было, я все-таки нашел в себе силы не выпустить меч. Это единственно чем я мог гордиться в текущей ситуации.

– Не сопротивляйся, – услышал я крик Ильича. – Они за нас!

Пока «те, кто за нас» тащат меня, как мешок картошки, любуюсь прыгнувшей со зрительских трибун девушке со шрамом. Крутанув сальто, она оказалась между мной и гвардейцем. Я б так не смог. Только если б с катапульты... и не смотреть на приземление... Конечно, прыжок у нее получился неровня моему противнику. Гвардеец дрался и двигался как нечто необъяснимое – естественно, молниеносно и грациозно. Так естественно сносит разбушевавшаяся весенняя река препятствия на своем пути. Молниеносно выбрасывает язык саламандра, быстрее, чем успеешь глазом моргнуть. Грациозно выгибается перед смертельным для жертвы ударом богомол.

А девушка – как отлично вымуштрованный боец, тупо и решительно. В общем замечательно как для человека.

Вслед за ней прыгают четверо парней в белой крестьянской одежде и бегут к нам. Их лица серьезные и решительные. Еще двое отпустили мои руки, и предусмотрительно отскочили назад, с опаской поглядывая на катану. Холщовые рубахи с широкими рукавами и широкие штаны, а-ля шаровары, заправленные в короткие сапоги, с трудом маскируют мускулистость бойцов. А ребята-то не простые. Качки. Крестьянский спецназ? Местный аналог крестьян-ниндзя как противовес тирании императора и его самураев? История везде одинакова, даже в других мирах.

Массируя поочередно локти, я удостоил их самого сурового взгляда, на какой был способен. Сработало – парни отскочили еще дальше и решительно вскинули мечи.

Спасители, блин. Чуть калекой не сделали. Теперь раньше старости буду ревматизмом локтей мучиться.

На их лицах ни тени испуга, лишь желваки гуляют. И огонь безмерной веры в глазах. Оп-па, да тут фанатизмом пахнет... Вот это мне совсем не по нраву. Где фанатизм там, как правило, много, очень много невинной крови. Хотя, в местном бедламе жизни и так цена пятак.

Девушка не сводя глаз с гвардейца, медленно пятится назад – к нам. Тот застыл черным изваянием, опершись на меч.

Взгляд направлен на меня. В нем нет ни ненависти, ни злобы, только интерес. Я внес разнообразие в его однотонную жизнь, заставил почувствовать азарт боя. Нарушил типовой сценарий – «один взмах один труп». Представляю, насколько это скучно – вступать в бой заранее зная результат. Но с другой стороны – спокойно и стабильно доживешь до пенсии.

Держа перед собой меч, шаг за шагом девушка приближается ко мне. Вот она уже рядом.

А она ничего. Редко встречающийся типаж.

– Ты? – чуть не упала девушка, взглянув на меня. – Это ты?

И был в голосе столько тепла и любви, словно мы не один год вместе.

– То, что я, это точно.

– Не может быть, – встряхнула она головой, словно сбрасывая наваждение. – Невозможно.

– Отходи назад, – не оборачиваясь, сказала она. – Я прикрываю. В бой не вступай.

– Йесс, мем, – браво козырнул я. – Будет исполнено.

Она только хмыкнула и удостоила пренебрежительным взглядом.

Стерва, сто процентов... Знаю я такой взгляд... На третий день начинают – «ой у тебя так грязно, прибраться бы надо, а я пока в парикмахерскую схожу», «кружок поднимать надо когда пи-пи ходишь». Да ну их. Это моя грязь и мой кружок

и делаю с ними что хочу.

– Это свои! – Ильич перехватывает руки Тимохи, не давая
замахнуться мечом. – Свои!

Тимоха зашипел от боли и выронил оружие:

– Ильич, вы мне чуть руки не сломали. Откуда в пожилом
человеке такая сила?

– Откуда и у тебя.

– От мамы с папой?

– Нет, от бога.

– Что тут, черт возьми, происходит? – завопил Прыщ. –
Кто это еще?

– Мы вовремя? – поинтересовалась девушка со шрамом.

– Могли бы и раньше, – недовольно буркнул Ильич. – За-
ждался.

– Были трудности... Это он? – она кивнула в мою сторо-
ну. На ее вполне милом, если бы не шрам, лице сомнение
борется с разочарованием. – По крайней мере, гвардейца он
смог удивить. Не часто они сопротивление встречают.

– Как планируешь вытаскивать нас отсюда? – спросил
Ильич.

– Есть в запасе один транспортер.

– Куда?

– Не знаю, – криво ухмыльнулась девушка.

– Тоже хорошо, – рассмеялся Ильич. – Ты не меняешься.
Впрочем «не знаю» в данном случае лучше чем «здесь».

– Вопросы задавать можно? – поинтересовался я.

– Не сейчас Дима, не сейчас, – сказал босс.

Ее спутники отгородили нас от скучающего гвардейца живой стеной и обнажили короткие мечи.

Гвардеец обернулся и посмотрел на императора. Судорожно сжимая побелевшими пальцами перила ложи, тот утвердительно кивнул.

Мелькнув ласточками, к моему противнику присоединилось еще четверо гвардейцев. Таких же быстрых, ловких и неотличимых друг от друга. Мне показалось, что они даже песка коснулись подошвами черных сапог одновременно.

Зная возможности одного, с уверенностью могу сказать, что впятером эти удалыцы способны выкосить армию. И эта шестерка накачанных ребят, закамуфлированных под местное крестьянство для них не преграда. Никакая вера в глазах не остановит молнией разящий клинок. И крепкий бицепс тут не помощник.

– Уходим! – крикнула девушка боссу. – Забираем его, – она указала на меня, – и уходим. Бойцы отвлекут врага и сразу за нами.

– Забрать всех! – скомандовал Ильич. – Прикрывать отход. Любой ценой!

Ох, не люблю я фразы подобные этой. Любая цена вмещает в себя неизмеримое количество жизней, оборванных одним вот таким приказом. Взять сопку любой ценой – и по-

шли в лобовую, в чистом поле редкие шеренги красноармейцев. Тому кто отдал приказ глубоко наплевать, что до дзота дойдет каждый десятый... Или никто не дойдет. И полетят похоронки... в Россию, Украину, Белоруссию, Казахстан и остальные республики, составлявшие нашу когда-то великую Родину, извещая родных что, мол, так и так, погиб ваш родной и ненаглядный геройски в неравном бою. И никто ведь не напишет, что он был всего лишь мясом, которое отвлекало врага от главной ударной группы, которая успешно смяла противника с правого фланга. Я никогда бы не смог быть полководцем и ставить цель выше человеческих жизней.

Проквакав приказ спутникам, на лицах которых мгновенно появилась готовность умереть за правое дело, девушка выхватила из кармана стеклянный шарик размером с бильярдный и что-то крикнув, ударила ним о землю. В небо ударил столб синего пульсирующего пламени. Опережая метнувшихся к нам гвардейцев, она одним взмахом отправила в пламя сначала Лилю и сопротивляющегося Прыща, а следом и меня с Тимохой. Ильич прыгнул следом. Уже сквозь синюю пелену вижу бросившихся на перехват парней с короткими мечами. Викинг, махнув нам рукой на прощание, затянул грустную песню и враскачку пошел в атаку.

Все-таки он смог преодолеть свой страх. Прощай храбрый воин, безболезненной тебе дороги в Вальгаллу в сопро-

вождении прекрасных валькирий. Не сомневаюсь, что предки признают тебя достойным места рядом с собой и пенный кубок поднимется во славу воина вступившего в неравный бой с силой, которую невозможно победить. Твои потомки, если конечно узнают об этом, обязательно сложат песню, которая проживет в устах скальдов не одно столетие и прославит твое имя.

– Прыгай! – закричал Ильич девушке.

Оглянувшись на поле боя, где все было predetermined еще до начала схватки, она прыгнула к нам. Я поймал ее и на мгновение наши тела соприкоснулись, а взгляды пересеклись. Мои руки успели ощутить мускулистость крепко сбитого тела.

– Поехали, – сказала девушка, отстраняясь. – Если повезет – попадем домой.

– Возможны варианты? – поинтересовался я, вдыхая ее запах.

Она лишь рассмеялась в ответ.

Синяя пелена превратилась в закручивающийся вокруг нас смерч. Взыл разрываемый воздух. Сквозь темнеющую стену я успеваю увидеть финал сражения...

—

– Опаньки. – нервно хихикнул Прыщ. – Из огня да в полымя. Там нас собирались потрошить, здесь – заживо похо-

ронить в каменном мешке. Пардон, стеклянном. В этом долбаном месте все из стекла. И где это мы благодаря стараниям незваных спасателей? Мы кстати вас не приглашали.

– Не скули! – оборвала его девушка со шрамом.

– Вопрос уместен, – сказал Ильич. – Ты действительно не знаешь, к какой точке был привязан транспортер.

– Мне вообще повезло, что нашла его, – сердито ответила она. – По идее его вообще быть не должно. Последний транспортер использовали спустя три месяца после вашего ухода. Сами знаете, запасы иссякли.

Круглые комнаты без окон, без дверей явно преследуют нас. Эта разве что размером поменьше. Тускло светится потолок. Люка нет и нет вони. А так копия.

– Здесь даже дверей нет, – сказала Лиля.

– Наблюдательная ты наша! Прямо провидица! – брызгая слюной, подскочил к ней Прыщ, но тут же осекся под тяжелым взглядом Тимохи и, потупившись, отошел в сторону. Демонстративно повернувшись к нам спиной, он сел на пол и раздраженно засопел.

Это действительно ОН? – спросила девушка со шрамом, буравя меня зелеными глазами.

Первое впечатление было правильным – она милая стервочка. Даже более чем милая. Чуть ниже меня ростом. Изпод черной, не то пиратской повязки, не то байкерской банданы выбивается рыжий локон. Мужская одежда и щеголь-

ские ботфорты выгодно подчеркивают крепко сбитую, но при этом не лишенную женственности фигуру.

– Без сомнения, – ответил Ильич и ткнул меня в бок, отрывая от беззастенчивого созерцания сокрытых темным камзолом и облегающими бриджами женских прелестей.

Лиля тихонько хихикнула и тут же прикрыла рот ладошкой.

– Точно? – спросила девушка.

– Я нашел то, что искал, – ответил Ильич.

– Я не верю, – как отрезала девушка.

– Он смог противостоять гвардейцу. Ты сама видела.

– Это ничего не значит. Он может быть великим воином и не более.

– Неужели ты не чувствуешь чем от него веет? – спросил Ильич. – Ты должна чувствовать дыхание его силы. Пусть пока слабое, но ведь он еще даже не прошел обратное перерождение. Ты должна понимать это... Сама посмотри, какой из него воин...

– Если бы это был он...

– Стоп, стоп, – замахал я руками. – Ильич и симпатяшка со шрамом, вам стоит объяснить, что к чему. Вы так беззастенчиво обсуждаете, чем от меня пахнет, и кто я есть, что мне самому это стало интересно. Так вот, могу со всей ответственностью заявить, что пахнет от меня потом и возможно страхом, хотя исподнее еще не проверял. А кто я есть такой замечательно известно моему боссу. При трудоустройстве я

не одну анкету заполнил. А то, что я творил на арене вообще выходит за рамки разумного. Я хочу знать...

– Я не симпатяшка! – перебила девушка и рефлекторно коснулась пальцами шрама. – Я Дайла, дочь Дагира Приближенного. – Она гордо задрала подбородок. – И объяснять я тебе ничего не собираюсь. Недостоеин. И вообще пока не понятно стоишь ли ты жизнью тех, кто умер ради тебя.

– Ты про тех накачанных фанатиков, которые прикрывали твое бегство с арены? – вспыхнул я. – Наверняка ребята крепко во что-то верили, раз пошли на такое. Либо им кто-то основательно мозги задурил. Не ты ли это?

Дайла втянула сквозь крепко сжатые зубы воздух и положила руку на рукоять меча. Зеленые глаза превратились в щелочки, и я почувствовал себя зверем в перекрестье оптического прицела охотника.

– Ох уж эта молодежь, – покачал головой Ильич. – Но в чем-то она права. Лишние знания обременят тебя. Могушество обманчиво. Сегодня есть, а завтра может и не быть. К тому же предвидя список вопросов, могу сказать, что ответом получится длинный рассказ, на который сейчас нет времени.

– Вы знакомы? – спросил Тимоха, глядя то на Ильича, то на девушку со шрамом.

– Всю жизнь, – хохотнула она.

– Ильич, всего три вопроса и я отстану от вас, – сказал я.

– Скромность, заслуживающая уважения. Я постараюсь

на них ответить.

– Зачем я вам? Где мы? Что нас ждет?

– Ты нам нужен. Не на Земле. Не знаю.

Я хмыкнул пораженный столь содержательным ответом и добавил:

– Лаконичность, заслуживающая... Да ни хрена она не заслуживает. Ильич, так нечестно. По сути, вы ведь ничего не объяснили. Из пустого в порожнее.

– Мне страшно, – тихо сказала Лиля.

– Не бойся, я рядом, – ласково провел рукой по ее волосам Тимоха. – Я смогу тебя защитить.

– Нет. От этого не сможешь. Неизвестность – она меня пугает. – Лилия поежилась, словно от вздоха леденящего ветра. – Мы жили, ходили на работу, по магазинам. На распродажу стоковой одежды ходили позавчера. Я такую юбочку купила, закачаешься, жаль блузочка с перламутровыми пуговичками не подошла. И как назло она последняя оставалась. Нет, вы не подумайте что это я корова. Это блузочка подростковой была... Ну в смысле для тех у кого еще грудь маленькая. – Все мужчины невольно уставились на ее пышный бюст, норовящий вынырнуть сквозь рваную одежду. Мне показалось, что Прыщ даже облизнулся, предварительно глянув в сторону Тимохи. – Мне так нравилось, когда по утрам меня будил мой пушистый перс... он так мурчал, и терся усатой мордочкой об мои ноги. Я молочком поила его каждое утро. Сначала молочко, потом сухой корм. И ни

в коем случае наоборот, иначе у котика понос будет. Потом я пила кофе... звонила маме. Она всегда так переживала за моего котика. Вечером... – Она всхлипнула. – Сегодня вечером я собиралась с подружками в новый клуб. Там говорят так круто... А сейчас я даже не знаю где я. Меня не устраивает ответ – «Не на Земле» – перекивляла она Ильича. – Теперь еще эта, со шрамом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.